

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИЗВЕСТНОГО

КРИШНАМУРТИ

МОСКВА 1996

Джидду Кришнамурти

За пределами известного

«Товарищество научных изданий КМК»

Кришнамурти Д.

За пределами известного / Д. Кришнамурти — «Товарищество научных изданий КМК»,

ISBN 5-87317-003-7

Джидду Кришнамурти (1896–1986) – один из наиболее выдающихся духовных учителей нашего времени. Обнаруженный теософами еще мальчиком в Индии, он был подготовлен ими в качестве нового Мессии, от роли которого отказался, когда независимо стал вести свой собственный духовный поиск. Разъезжая по миру со своим учением, выступая с лекциями, он приобрел множество сторонников, включая видных государственных деятелей и интеллектуалов. Настоящий сборник выпущен к 100-летию со дня рождения Кришнамурти. В него вошли материалы разных периодов и направленности.

ISBN 5-87317-003-7

© Кришнамурти Д.
© Товарищество научных изданий
КМК

Содержание

Ранние беседы и выступления	6
Беседа с педагогами в Лос-Анджелесе	6
Беседы в Адьяре	12
Лагерь в Охае	17
Лагерь в Охае (продолжение)	26
Бомбейские беседы (1959–1960)	36
Беседа первая	36
Беседа вторая	38
Беседа третья	42
Беседа четвертая	46
Беседа пятая	49
Беседа шестая	53
Беседа седьмая	57
Беседа восьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джидду Кришнамурти

За пределами известного

© Т. Богатырева, перевод, 1996.

© ООО «КМК», 1996.

Ранние беседы и выступления

Беседа с педагогами в Лос-Анджелесе

Предлагаемые мною идеи не заключены в рамки националистической мысли, так как подлинное мышление и подлинное чувство независимы от национальных предрассудков и разграничений. Не думайте, следовательно, что слова мои неприменимы к Америке в силу того, что я уроженец Востока.

Надо научиться думать независимо от всяких национальных предрассудков и, таким образом, независимой мыслью творить независимые действия. Только действие имеет ценность, мысль же, не выливающаяся в действие, – бесплодна. Мысль и соответствующее ей действие производят изменения в мире феноменов, при наличии же постоянных перемен неизбежна борьба.

Индивидуум составляет основу группировок и потому именно он имеет огромное значение. Группа состоит из индивидуумов и, если вы, как индивидуум, желаете путем постоянного отбора раскрыть в себе способность распознавать важное, вы не должны приспособляться к обществу. Как только индивидуум разрешит свои специальные проблемы, осмыслит свои тревоги, заботы, чувства, желания, горести, его творчество будет выражать его суть и тем самым он внесет порядок и гармонию в общество или группу.

Цивилизация – выражение индивидуума, но она ни в коем случае не выражает всего «я» в его целом. Борьба, испорченность, эксплуатация, сосредоточение власти в руках немногих являются результатом невежественных индивидуальных усилий. Но как только человек через собственные усилия, собственные симпатии и антипатии, собственные реакции – из которых возникает чистое действие – поймет смысл индивидуальной борьбы, тогда в мире феноменов, в цивилизации, произойдут изменения в сторону порядка, гармонии и культуры. Культура исходит от нашего «я», поэтому воспитание этого «я» должно быть нашей главной заботой. Я обращаюсь к педагогам, естественно озабоченным вопросами воспитания молодежи, но со временем индивидуум, путем постоянного отбора станет законом сам для себя. В процессе отбора раскрывается истина. Культивируя способность выбирать, распознавать, независимо от групп, от наций, от классов и верований, человек все время открывает истину. Высшая цель его – стать в высочайшей степени разумным. Разум гораздо выше рассудка, так как истинный разум – плод опыта, – опыта ума и любви, а это и есть интуиция.

Пока человек, как индивидуум, как отдельное существо, не разрешил своей проблемы, не понял смысла и цели борьбы, он не может содействовать чуду установления порядка в нашем хаотическом мире. Истинная цель воспитания не в том, чтобы приспособить индивидуума к обществу и сделать его пассивно гармоничным с ним, а в том, чтобы побуждать его думать и поступать самостоятельно и развивать в себе тот высший разум, который останавливает свой выбор на самом главном.

Итак, группа, масса, нация состоят из индивидуумов, но если рассматривать их как коллективное выражение индивидуума, то выяснится, что мир, масса, группа лежат между «ты» и «я». Когда индивидуум это осознает, прекратится борьба, непрерывные извращения, эксплуатация «меня» и «тебя». Я утверждаю, что пока индивидуум сам подлежит тлению, пока его внутреннее состояние хаотично, пока он не понял и ясно не начертал своего пути, хаос будет парить вокруг него. Индивидуум установит в мире порядок только силой собственной своей чистоты.

Воспитание – молодежи ли, или стариков, – не может иметь своей целью приспособление индивидуума к его окружению. При наличии внутренней борьбы, – а борьба неизбежна – не может быть гармонии между человеком и обществом; её нельзя и требовать. Наблюдение над жизнью выясняет, что человек подводится под один образец, его превращают в винт для машины, умеющей гладко работать, его пригоняют к обществу, к нации без борьбы, без всякого сопротивления с его стороны. Другими словами, из него делают тип, шаблон. Но жизнь не терпит трафарета, так как тип – нечто несовершенное и незаконченное, и каждый человек, сделавшийся трафаретом, носит в сердце своём бремя своего несовершенства. Индивидуум не должен превращаться в шаблон и потому он не должен приравниваться к обществу, так как общество или группа всегда стремятся создать трафарет.

Изучение результатов воспитательных систем выясняет, что индивидуум, окончив университет, или другое учебное заведение, втискивает себя в форму, вылепленную для него

обществом. Другими словами, он поклоняется успеху. Присмотритесь ко всему механизму цивилизации. Все почести выпадают на долю того, кто имеет успех в группе, в своем деле, и кто, следовательно, зауряден. Нажить деньги, плыть по течению, быть как все, – это называется успехом. Я не против создания здоровых физических условий для всех, а против мертвящего давления на индивидуума, заставляющего его следовать массе, что одно только обеспечивает за ним доброжелательное отношение и уважение группы. Всякое отличие от группы считается опасным и вызывает пренебрежение к себе. Думать самостоятельно, независимо от окружения, независимо от общественного мнения, от нации, от всей расы, считается предосудительным. Общество выбрасывает человека из своей среды, если он не укладывается в вылепленную им форму.

Жизнь – непрерывный процесс, в течении которого мы познаем опыт, ассимилируем и отбрасываем. Человек, превративший себя в трафарет, не может ни ассимилировать, ни отбрасывать, так как не умеет распознавать. Он становится автоматом, он – мертвец. С моей точки зрения истинное действие требует независимого мышления, а чтобы самостоятельно думать, нельзя ни втискивать себя ни в какое русло, ни слепо принимать то что говорят другие. Затем встает вопрос о религии. Поклоняясь ярлыкам, поклоняясь одному какому-нибудь существу, формируя себя по образцу одного лица – Будды ли, Христа или Магомета – человек устанавливает мерилу вне себя, богословский идеал, и согласно этому мерилу он формует себя. Этим он опять-таки превращает себя в шаблон и ум его и сердце формируются, укрываясь в тени другого существа. Как бы велико, как бы прекрасно ни было это другое лицо, жизнь все же не терпит шаблона. В религии человек всегда связан авторитетом, чужими словами; он воображает, что духовность заключается в ортодоксальности. Отсюда и возникли различные теории о духовности. В Индии распространено мнение, что бедность, уродство, неопрятность являются необходимой принадлежностью духовности. Здесь вы также имеете свои теории о духовности, хотя, может быть, они находят себе другое выражение. Вся жизнь подгоняется под эти теории. Человек насилует свою жизнь, извращает её, делает её ужасной для того, чтобы втиснуть её в теорию; он живет под чужою сенью и становится безжизненным типом.

То же самое происходит во всех областях мысли – в экономической жизни, в политике, в общественной деятельности, в религии, в воспитании; создается не законченный человек, а только шаблон.

Зачем превращать себя в тип? Зачем подражать другому? Зачем повиноваться авторитету? В вопросах духовных авторитета быть не может; не может быть авторитета и в мыслях, и в верованиях: важен только собственный опыт. Зачем же человек превращает себя в тип, в машину? Происходит это потому, что господствующую роль в его жизни играет страх. Он боится собственных мыслей, колеблется и потому ищет руководителей в духовных вопросах. Как только появляется жажда покоя, возникает страх. Борьба порождает либо страх, либо понимание. Когда человек боится борьбы, он ищет убежища, опирается на авторитет в духовных вопросах, хочет, чтобы ему указывали, что хорошо, что дурно, что неудачно, что успешно. Но как только в нем возникает желание понять происходящую огромную борьбу, он не сковывает себя страхом и старается уразуметь каждый опыт, встречающийся на его пути.

Единообразие – не есть культура. Нельзя воспитать себя путем приспособления. Надо создать подходящие условия, чтобы индивидуум все время боролся, выбирал, ассимилировал, отвергал и, таким образом, рос. Индивидуальность – не цель в себе, так как она – раздельность; индивидуальность все время стремится путем постоянного соприкосновения с жизнью стереть преграду, отделяющую её от других. Другими словами, индивидуальность соткана из наших непобежденных реакций. Реакции создают преграды и разделения. Но победа над реакциями их уничтожает. Следовательно, преграды возводятся индивидуальностью, не превратившей еще своих реакций. Но истинное «я» обитает в области чистого действия; чтобы обрести это «я», чтобы познать чистое действие, необходимо пройти через процесс реакций,

симпатий и антипатий, радостей и удовольствий, скорби и большого экстаза, постепенно устраняя все реакции; так человек достигает истинной своей обители, в которой нет реакций; исходя из нее он действует. В этом и кроется весь смысл жизни.

Поэтому высшая духовность заключается не в подражании образцу, а в достижениях, не обусловленных реакциями, в бдительности во всем – в поступках, мыслях и чувствах. Как только человек переживает высшее напряжение борьбы между чувством и разумом, в нем зарождается жажда совершенного равновесия, и он тут же и начинает достигать этого равновесия. Множество книг объясняют скорбь и борьбу, горести и радости. Объяснять вообще очень легко. Этого все ищут – объяснения. Но разве человек, действительно скорбящий, ищет объяснения? Если умирает близкий ему человек, разве объяснение утешит его? Он тоскует по нем, потому что он одинок. Нельзя объяснениями отделаться от тоски одиночества. Никакие теории не уврачуют ее. Но, если человек действительно борется в страдании и чувствует всю глубину своей скорби, тогда он ищет корня, причины страдания, а не его объяснения. Тогда скорбь становится почвой, в которой человек растет, питанием его, а не чем-то таким, что следует избегать во что бы то не стало.

Обогащение жизни путем опыта есть чистое делание, нетленность. Убогость же жизни, недостаток опыта кроет в себе тление. Итак, не формулируйте себя согласно трафарету. Человек должен быть цельным и все включать в себя. Мысль, сначала пристрастная, – становится под влиянием опыта все более и более надличной, а когда мысль надлична, она разумна. Разум же вводит в область чистого сознания, составляющего венец человеческой жизни. Достижение совершенного равновесия – в чистом действии; – вот в чем цель жизни, результат всякого опыта. Тогда жизнь становится богатой, всеобъемлющей, цельной; тогда разрешаются индивидуальные проблемы человека, и он способен дать миру аромат и понимание, необходимые для жизни целого.

Вопрос: Каким образом измерить высшее и низшее в развитии человека?

– Разве может быть зафиксировано какое-нибудь внешнее мерило? Все время должен происходить выбор.

Сперва является стремление владеть имуществом, иметь дома, книги, мебель, автомобили и т. п. Вы жаждете обладать, обладать, обладать, думая, что это приведет вас к свободной жизни и счастью. Но достичь этого таким путем вам не удастся. Тогда наступает пресыщение вещами, и вы отбрасываете их. Вы отрекаетесь от физического мира, ищите романтики – руководителей, учителей, гуру, богов; вы жаждете мистического романтизма. Затем, опять-таки вы пресыщаетесь романтикой, которая есть иллюзия, и в вас созревает способность сознательно распознавать реальное среди ложного.

Вопрос: Когда человеком достигнуто совершенное равновесие между «ты» и «я», достигается ли оно также и для других индивидуумов?

– Боюсь, что вы не поняли меня. Совершенное равновесие устанавливается не между «ты» и «я». Оно кроется в вас самих, и потому оно все в себя включает. В этом равновесии нет ни «тебя», ни «меня». «Ты» и «я» создаются реакциями. «Ты» и «я» являются результатом раздельности, им нет места в высшем завершении духовности. Когда «я», как индивидуум, достиг этого равновесия, для меня индивидуальности больше нет. Я знаю, вам сейчас же придет в голову мысль об уничтожении. Уничтожение – вещь не существующая. Человек, достигший этой точки, становится фокусом жизни, что очень далеко от уничтожения.

Вопрос: Достигается ли оно и для других индивидуумов?

– Как может оно быть достигнуто для других индивидуумов, если каждый индивидуум сам не боролся, чтобы его достичь? Как может понимание одного человека быть пересажено в другого?

Вопрос: Как отличить импульс от интуиции?

– Осуществляйте то или другое и вы их скоро распознаете. Разве я могу сказать вам, какова ваша интуиция? Кто, кроме вас самих, может рассказать про вашу интуицию или импульс? Совершенный человек не оставляет тени после себя; вы все окутаны тенями и потому вы хотите, чтобы авторитет указал вам, что более важно, что менее важно, что хорошо и что дурно.

Вопрос: Разве нет творческого побуждения или силы вне контроля индивидуума, заставляющего его достигать, обретать жизнь с избытком?

– Какое может быть большее побуждение, чем смех и слёзы? Потому я и говорил о смехе и слезах, а не об объяснении их. Если не умеете страдать, если вы никогда не плакали, как можете вы постичь; разве есть большее побуждение, чем желание? Что делали вы все время со своими желаниями? Высшая цель – убить их, но желания убить нельзя. Что вы видите, того вы и желаете; если видение ваше мелко, то мелко будет и ваше желание. Если видение ваше будет велико, то и желания ваши будут велики. Если вы находитесь в состоянии хаоса, это не вина желания, а вина вашего кругозора.

Вопрос: Разве мы не должны до известной степени приспособляться для того, чтобы стать умелыми в действии; и не должны ли мы быть умелыми, чтобы иметь свободное время для развития индивидуальности?

– Я знаю, что каждый поклоняется ловкости и умелости. Это еще одно новое божество. Конечно, надо быть умелым. Вы должны уметь действовать, потому что это может дать вам свободное время и создать условия для развития индивидуальности, но это не цель сама по себе. Индивидуальное усилие ценно при создании собственного своего совершенства. Индивидуальность – несовершенство. Это лишь часть целого. Чтобы стать целым, надо чувствовать оплодотворяющий контакт с жизнью, обогащающий индивидуальность; в этом же самом обогащении индивидуальность и растворится. Тогда вы рассматриваете себя не как индивидуума, а как целое.

Вопрос: Вы говорите, как я понимаю, что человек не материальная и не духовная сущность. Что же он такое?

– Разве так важно это знать? Он – все. Он и материален, и духовен, то есть он – целое. Нельзя делить жизнь на духов и материю; это придумано рассудком для своего удобства.

Вопрос: Если мы цепляемся за человеческую любовь, задерживает ли это существенно наше приближение к истинной любви?

– Если любовь становится рассудочной, она не истинна; но нельзя быть рабом человеческой любви; надо через человеческую любовь создать свойство любви в самой себе, а это нечто совершенно другое.

Вопрос: Можете ли вы сказать нам более определенно, как подняться выше, как превозмочь эмоциональные реакции?

– Чтобы превозмочь эмоциональные реакции, надо испытать эти эмоции. Жизнь не аптекарский склад, где можно найти снадобья для достижения. Чтобы обрести наивысшее, надо уметь плакать и смеяться, что одно и то же – крайние выражения одной и той же эмоции.

Вопрос: Разве не следует присоединяться к группам и организациям с целью оказывать помощь другим ввиду того, что групповая деятельность действенней индивидуальной?

– Какая деятельность? Облегчение физических страданий? – Да, конечно. Но нельзя групповым воздействием устранить одиночество. Нельзя групповой деятельностью исцелить и облегчить жизненную скорбь. Вы можете меня одеть и накормить. Ведь смысл умелой деятельности в создании свободного времени, чтобы думать и чувствовать. Вы спрашиваете, как это сделать? Предоставляя свободное время вашим друзьям и близким, а не эксплуатируя их. Это не дело далекого будущего, тяжесть которого ляжет на чужие плечи.

Суммируя сказанное: не единообразием достигается совершенство и не укрыванием в тени другого. Человек ищущий не может оставить отпечатка после себя.

10 апреля 1930 года

Беседы в Адьяре

У большинства людей главное затруднение состоит в том, что они ко всему относятся безразлично, а безразличие порождает обыкновенно, терпимость. Безразличие подобно листу, который носится по воле ветра. Неясный и неточный ум, который не взвешивает всего и не судит, становится все более и более равнодушным и воспринимает всякую мысль независимо от того, кто ее высказал. В такой ум мысль входит и выходит, не оставляя никакого следа. Равнодушный ум воспринимает все без разбора, он кроток, мягок и терпим. Таковы многие образованные люди. Они воспринимают все не думая, не судя и не имея по данному вопросу своего мнения. Если я, например, излагаю какую-нибудь мысль, вы не противопоставляете ей своей мысли. Словно бьешься о каменную стену. Но если бы ваше мышление было творческой деятельностью, то открылась бы и способность восприятия, необходимая для понимания. Если вы к этой мысли и к этому способу выражения равнодушны, из этого следует, что над вами господствует и вами владеет каждая мимолетная мысль. Это одно из самых больших затруднений, особенно здесь, в Индии. Индуизм допускает всякого рода мнения: можно быть агностиком, или же, наоборот, гностиком, и все же принадлежать к индуизму. Вы допускаете все, и поэтому вы подобны дому, в котором гуляет ветер. В вашем уме царит неуверенность и безразличие, а безразличие – грех – если вообще существует такая вещь, как грех. Я предпочел бы, чтобы вы категорически, решительно и пылко отрицали то, что я говорю, а не оставались равнодушными. Вы стали так терпимы, что эта терпимость граничит с безразличием. Здесь есть среди вас и христиане, и буддисты, и последователи других религий, но вы на самом деле не духовны, потому что становитесь все более и более равнодушными. Гораздо лучше, на мой взгляд, быть более нетерпимыми, ибо это значит, что вы считаете свое мнение правильным и отстаиваете его. Я не проповедую нетерпимости, но относиться равнодушно к собственному мнению, собственному страданию, к тяжелому труду и унылой жизни – грех и проклятие.

Деятельный, бдительный ум должен прежде всего производить опыты. Истину надо исследовать, а потом пережить; в нее нельзя только верить. Истина принадлежит вам, как принадлежит вам ваше лицо, как принадлежат вам ваши чувства. В истину нельзя равнодушно верить, ее надо пережить с той сознательностью и с тем увлечением, которые дает всякий опыт. Истина – жизнь, ее надо испытать при помощи желаний, ощущений, мыслей и чувств. Если хотя бы один из этих путей, в силу страха и непонимания цели жизни, закупоривается, то исчезает единственное средство постижения жизни. Вот почему нельзя быть равнодушным. Будьте либо всецело за, либо всецело против, не колеблетесь между тем и другим. Неважно, если вы сочтете меня неправым. Если вы будете поступать так, как считаете правильным, не думая о последствиях, вы не поддадитесь этому пагубному безразличию. Хороший пловец предпочитает плыть против течения, ибо усилие доставляет ему наслаждение в то время, как плыть по течению ему неинтересно. Для него это только отдых. Деятельный ум, зная, чего он хочет, постоянно анализирует, ищет, производит опыты. Он не может просто поверить в истину, он должен ее пережить. Для меня в моих беседах это в высшей степени важно. Я не хочу, чтобы вы верили тому, что я говорю. Я робко прислушивался к разговорам. Говорят: «Кришнамурти так сказал», а не высказывают того, что лично думают, чувствуют и за что борются в жизни, ибо все это становится предметом веры, а не предметом опыта и переживания. Истина не может быть предметом веры или личной любви. Вы можете любить меня, а я вас, но это не значит, что вы должны верить тому, что я говорю. Истина – это жизнь, а жизнь – это желания, мысли, ощущения, эмоции. Если вы не поймете и не разовьете всего этого, вы никогда не обретете истины, то есть счастья и свободы. Нельзя быть равнодушными, надо активно быть либо за, либо против. Гораздо лучше, по моему (говорю это, и знаю, что буду неверно понят), быть фанатиком в широком смысле слова, знать, что важно, и стремиться к этому, не считаясь с

последствиями. Важно то, что думаете вы, а не то, что думаю я, потому что я не могу сказать, что именно важно для вас. Отыскать то, что существенно, – дело индивидуального распознавания, а для этого надо быть всегда бдительным, непрестанно разбираясь, отвергая и воспринимая. Не верьте мне только потому, что я снова и снова настаиваю на некоторых пунктах. Вот почему я часто сомневаюсь, стоит ли мне вообще говорить. Не верьте, а испытайте то, что я говорю, ибо расти можно только посредством опыта, а не веры.

Вопрос: Многие желают распространять ваше учение, но боятся это делать вследствие вашей просьбы не истолковывать неправильно ваших мыслей. Эти люди, прежде чем помогать своим ближним, хотят достичь индивидуального совершенства.

– В таком случае вам придется ждать очень долго, что также является предлогом. Не будьте искусственны. Что в моих словах такого необыкновенного? В силу своей неестественности вы принимаете естественное за нечто неестественное, сложное, необычайное и сверхчеловеческое. Вы придаете ему всевозможные значения и смысл. Дикарь очень прост. Он поверит и примет все, что ему скажут, не думая, что все сложно и запутано. С другой стороны, и гений, действительно культурный человек, воспринимает мысль в ее простоте. Вы запутались между двумя крайностями и поэтому вам все это кажется трудным, тогда как это чрезвычайно просто. Что вы боитесь объяснять? Я много раз повторял, что вам надо быть приветливыми и действительно любящими. Какие нужны объяснения для того, чтобы любить людей без пристрастия? Это означает, что прежде всего вам надо полюбить. Затруднение возникает тогда, когда начинаешь объяснять то, чего сам не понимаешь.

Вопрос: Разве вы не хотите, чтобы кто-нибудь, кроме вас, объяснял, что такое Возлюбленный, цель, прямой путь?

– Ничего подобного. Какая польза в моем счастье, если вы несчастны? Какая вам от этого польза, если вы поглощены горем? Чего хочет узник? Он не хочет, чтобы ему объясняли, что такое свежий воздух, на что похожи деревья и как летают птицы; он хочет, чтобы его освободили или указали кратчайший путь к освобождению. Для большинства людей затруднение заключается в том, что они, сидя в темнице, не сознают, что они узники, не отдают себе отчета в своем собственном «я» и том, что их окружает. Они где-то далеко ищут все более и более сложных объяснений. Если вы что-нибудь пережили, если ум ваш деятелен, и вы стремитесь понять жизнь, вам легко объяснить пережитое. Если же вы живете чужой традицией и узкой моралью, тогда ваши объяснения не имеют никакой цены, ибо они – чужды вам. Не все ли вы, в конце концов ищете цели, Возлюбленного? Индивидуальность творит совершенство, но сама по себе индивидуальность – ничто. Раздельность исчезает лишь при оплодотворяющем слиянии с жизнью. Если вы это действительно здраво и мудро продумаете, объяснять здесь нечего. Почему вам не объяснить это другим? Если же вы не верите в это, не пережили этого, то объяснять, разумеется, трудно и бесполезно. Но если вы пережили хотя бы миллионную частицу всего этого и говорите о пережитом, то объяснения ваши имеют смысл, т. к. вы не можете ложно изобразить то, что пережили сами. То, что действительно ваше, вы можете изложить глубоко, широко, беспредельно, тогда как при изложении чужого переживания, объяснения ваши с начала до конца будут ложными. Поэтому раньше надо пережить, а объяснения придут сами, легко и просто, подобно птице, вылетающей из своего гнезда. Если же вы только болтаете, а не живете, вы подобны четвероногому животному, не могущему летать. Поэтому, если бы было десять человек, на самом деле так живущих и рассказывающих об этой жизни другим, мир был бы иным и вместо напускного служения люди иначе себя держали бы, иначе улыбались бы и сердце у них было бы другое.

Вопрос: Вы говорите, что к истине нет пути. Значит ли это, что каждый должен прокладывать свой собственный путь к освобождению, что путей столько же, сколько отдельных людей, и что ни на одной ступени прогресса нет одного общего всем пути?

– Совершенно верно. Каждый человек должен прокладывать свой собственный путь, так как обретение истины – чисто индивидуальное постижение и индивидуальный опыт; поэтому и нельзя идти по пути другого человека, как бы велик и мудр он ни был. Никакой пророк не может вас вести. Чтобы понять истину, человек должен возрастая вполне самостоятельно и самобытно. Возьмите, например, стрелу, твердою рукою пущенную из лука. Тут нет разделения во времени и пространстве. На своем пути от лука к цели она прокладывает непрерывную линию. Мысленно ее можно разделить на части, но если превратиться в стрелу, все части исчезают и остается лишь одна чудесная цельная прямая линия. Так и жизнь не имеет ступеней. Она подобна заре, достигающей наивысшей точки напряжения. Чтобы познать истину, то есть жизнь, надо развить в себе чувство осязания, способность к пониманию, надо развивать желания, а не душить и подавлять их. Доведите ваши желания до совершенства, сделайте их беспредельными. Не бойтесь желаний. Вы желаете то, что постигли и если постижение ваше мелко, узко и ограничено, то такими же будут и ваши желания. Если вы думаете, что жизнь – покой, застой и равнодушие, то желания ваши приведут вас к такой жизни, если же ваше понимание жизни абсолютно свободно, беспредельно, безусловно, цельно и действенно, то и все ваши желания будут безграничны, восторженны, глубоки и богаты. То же самое относится к мысли, и к любви. Если ваши мысли и ваша любовь содержат в себе лишь личные элементы, они вас ими и ограничивают.

Обретение жизни – дело чисто индивидуальное; истина не является вопросом веры. Человек должен пережить в себе истину и потому к ней не может быть пути. Я знаю все, что говорят ваши учителя и ваши книги. Я же говорю совсем другое. Обдумайте это, обсудите, раскритикуйте и либо отбросьте все это, либо примите, но примите активно, действенно. Не оставайтесь только равнодушными.

Вопрос: Вы часто употребляете слова: «Нетленность любви». Объясните пожалуйста, что вы разумеете под нетленностью, как может любовь быть тленной?

– Если вы спрашиваете, как может любовь быть тленной, это значит, что вы не любите. Я объясню, что я хочу сказать. Вы любите человека, вы к нему привязаны, вы ревнуете его, если он не отвечает вам взаимностью. Не так ли бывает в обыкновенной жизни? Вы любите меня, если я вас не люблю – сразу возникает антагонизм, начинается борьба. С течением времени вы начинаете понимать суть ревности, ненависти, зависти и всех связанных с любовью переживаний; в силу этого понимания любовь ваша становится все менее и менее личной, все менее и менее пристрастной – и в вас зарождается любовь нетленная, подобная благоуханию розы, овеивающему всех без различия. Солнце светит решительно всем. Раз вы разовьете в себе чистую любовь, не подверженную реакциям, люди не смогут воздействовать на вас. Можно пойти к колодцу с большим или маленьким сосудом, но какое бы количество воды вы ни зачерпнули, она будет заключать в себе воду всего колодца, ибо все качества воды заключены в каждой ее частице. Точно так же, если вы способны давать любовь по сути своей нетленную, вам безразлично будет, в какой мере ее воспринимает другой человек. Но любовь ваша должна содержать зерно нетленности, то есть вам надо действительно, по настоящему любить людей, даже если это приводит к страданию. Мы настолько развили рассудок в себе, что боимся запутаться в любви и потому отстраняем ее от себя, а это постоянно искажает понимание. Чтобы бесстрашно любить, надо пережить все стадии любви. Нельзя сидеть спокойно и размышлять над отвлеченной идеей любви. Нельзя так же постичь любовь при помощи книг или лекций. Если вы, действительно, любите человека, вы не знаете, что эта любовь с собой принесет – огромную ли борьбу, ревность, беспокойство, непрерывную ли тревогу – таким образом все более и более развивается способность к настоящей любви. Если же вы боитесь любви и привязанности, оставьте их. Но тогда вы закупориваете один из путей, по которым воспринимается жизнь. Следует поэтому бороться с целью понять, следует соперничать в любви, в том, что вечно, а не в знании систем, чужих слов, религий, гуру и богов. Чтобы достичь нетленности в любви, надо

начать с тленной любви, надо все глубже любить своих детей, жен и мужей. Любовь эта, может быть, эгоистичная и страстная, но это не важно. Вы же, стремясь к высшему, становитесь равнодушными в любви, вы интеллектуально становитесь сверхчеловеком, и корни ваши, глубоко заложенные в темной почве страсти, начинают подтачиваться. Вот поэтому вы предпочитаете верить, предпочитаете быть равнодушными ко всему, к горю, к страданию, радости и любви. Как может такой человек бороться с жизнью и понять ее? Как может человек, не имеющий сильных страстей и восторгов понять жизнь, которая есть восторг, страдание, желание – все, и которая завершается нетленностью любви и мысли. Чтобы пойти далеко, надо начать близко, чтобы подняться высоко, надо начать низко. Но если с самого начала вы знаете, куда идете, видите цель, которая есть совершенство и полнота жизни, тогда путь ваш будет радостен, а борьба вызовет восторг и перестанет быть утомительным, болезненным процессом.

Вопрос: Вы советуете нам наметить себе цель. Вы говорите, что достигли цели, являющейся для вас свободой и счастьем. Когда же я пытаюсь наметить цель, я вижу, как это трудно. Никакой определенной цели я перед собой не вижу. В каком направлении вы посоветовали бы мне думать или действовать, чтобы хотя бы смутно видеть свою цель?

– Любите своих друзей. Разве это само по себе не цель? У вас об этом какое-то отвлеченное, рассудочное представление. Если вы ищете нечто отвлеченное, то оно естественно, будет не ясно, трудно и неопределенно. А между тем, вы топчете людей. Важно то, что вы делаете в настоящий момент, как вы поступаете и как реагируете на внешние воздействия, как вы себя ведете, о чем думаете сейчас, а не в будущем. Какое дело страдающему человеку до будущего? Цель, или прозрение цели – близко, оно около вас. Вы стараетесь постичь мою цель и мое определение цели. Вы хотите, чтобы она была конкретизирована и сужена до вашего понимания. Я этого сделать не могу, а если бы и сделал, это не имело бы для вас никакой ценности. Если же вы сами постигнете цель, тогда все ваши мысли, вся жизнь, все страдания превратятся в цель. Это будет целью каждого, ибо каждый человек страдает.

Вопрос: В каком направлении вы посоветовали бы мне думать, действовать дабы узреть, хотя бы смутно, свою цель?

– Разве я могу советовать вам, о чем думать? Когда вы страдаете, когда вы одиноки и скорбите, вы не спрашиваете другого, как от всего этого избавиться? Вы стараетесь всевозможными способами выбраться из этого состояния и понять, каким образом вы очутились в таком положении. Что вы делаете, когда голодны? Если вы человек страстный, необузданный, вы крадете, просите милостыню, делаете что-нибудь в таком роде. Вы не сидите и не размышляете над причиной и целью голода. Вот почему я говорю, что истина – дело индивидуальное и ее нельзя постичь при помощи пророков, лидеров, соседей. Если вы постигаете жизнь собственными силами, жизнь эта будет жизнью каждого человека, ибо она во всех едина. Если вы углубите, обогатите и усовершенствуете свое внутреннее «я», вы поймете жизнь, заключенную во всех и во всем.

Вопрос: Если надо разумно наметить цель, нам надо, хотя бы смутно, что-нибудь о ней знать. Не можете ли вы поэтому объяснить нам, являются ли цель или освобождение, о которых вы говорите, освобождением от принудительного рождения и смерти, о которых говорят другие? И является ли также эта цель конечной ступенью в достижении, или же только одной из ряда ступеней?

– На этот вопрос я отвечать не стану. Потому что рождение и смерть вас не касаются. Вас касается жизнь в настоящем. Вы, как большинство людей, поклоняетесь смерти, и вам хочется знать о ней все: каковы ее свойства, и существуют ли повторные рождения. Если же вас интересует жизнь в настоящем, и вы сосредоточены на настоящем, вы не боитесь ни смерти, ни нового рождения. Я не уклоняюсь от ответа, но мне нет дела до рождения и смерти. Совершенно не важно, жили ли вы раньше или нет. Это не имеет ни малейшего значения. Важно то, как вы живете теперь, ибо настоящее включает в себе и прошлое и будущее, и пространство,

и время, – оно содержит в себе все. В этом нет ничего необычного или метафизического, и это легко понять. Настоящее отражается и в прошлом, и в будущем, оно отражается всюду и везде, и человек, живущий по правде, будет думать о жизни, а не о смерти, и будет стремиться стать совершенным и нетленным в настоящем. Если вы голодны и вам обещают накормить вас через 10 дней, какая вам от этого польза? Если вы больны какой-нибудь смертельной болезнью, вам хочется исцелиться немедленно. Итак, не заботьтесь о всем этом, а сосредоточьте свой ум, свои чувства и мысли на настоящем и совершенствуйте их в настоящем, а не в будущем. Чтобы жить «теперь», в настоящем, и ясно ощущать настоящее, требуется большая сосредоточенность; это требует такой энергии, что вы предпочитаете искать избавления в смерти и новом рождении. Обратите на это особое внимание, ибо важно и существенно стать нетленным теперь же и стараться теперь же понять, не заботясь о том, что позади или впереди вас. Относительно прошлого и будущего существует множество теорий. Вы придерживаетесь той или иной из них; с моей же точки зрения это не важно. Существенно то, что вы из себя представляете теперь, как вы теперь боретесь, каким образом любовь ваша становится чище, как вы реагируете на окружающее, как обращаетесь с друзьями и как в душе относитесь к людям. Пленник знает, что со временем его освободят, но он хочет быть свободным сейчас же. Человек, старающийся разрешить задачу настоящего с точки зрения вечности, не знает ни будущего, ни прошлого; он разрешает ее с точки зрения вечности, которая есть жизнь – жизнь целого, а не только жизнь и будущее отдельного человека.

Итак, если вы можете постичь и жить в настоящем и энергично и смело бороться, то для вас нет ни рождения, ни смерти.

31 декабря 1929 года

Лагерь в Охае

Воскресенье 25-го мая

Относительно меня циркулирует так много фантастических слухов, что мне прежде всего приходится просить вас отбросить всякие суеверные представления. То, о чем я буду говорить, присуще столько же вам, сколько и мне; для меня это единственная истина, но из этого еще не вытекает, что эта истина принадлежит мне одному. Каждый человек может ее обрести; она не является достоянием только избранных или ученых людей. Эта истина составляет кульминационную точку и венец дум, чувств и стремлений людей; она знаменует собой раскрытие чистого разума и чистой любви, слияние же их дает мудрость и счастье – немеркнущее прозрение и непреходящее блаженство. Для меня она представляет высшую реальность; достичь ее может каждый человек именно в силу своей человечности. Говоря о ней, я основываюсь на собственном ведении; я знаю, что я освободил в себе ту жизнь, которую рано или поздно каждый человек должен освободить; через эту свободу я и обрел просветление, или, другими словами, я постиг истинную ценность явлений. Итак, не думайте, что я говорю только фразы или развиваю какую-то туманную восточную философию. Это вовсе не так; освобождать приходится саму жизнь; с жизнью надо неустанно бороться, чтобы раскрыть полноту истины.

Не обращаюсь я также к избранным людям, к группе или ядру, обособленному от всего мира. Для меня такой группы не существует. «Избранных» я также не знаю. Я знаю только мир, а мир – это вы и все остальное человечество. Не может быть и речи об исключительном ядре, специально подготовленном для понимания моих слов. Слова мои обращены одинаково ко всем.

Я буду развивать свою тему в течение всей недели и я просил бы каждого из вас, приехавшего сюда с серьезными намерениями, оценивать мои слова не с точки зрения какой бы то ни было философской системы, а имея в виду практическое применение их к жизни, так как проверка каждой истины лежит только в обусловленном ею действии. Смотря по тому, какого рода действие вытекает из той или другой линии мысли, можно составить суждение и о самой мысли. Истинное мышление ведет к порядку, к миру и гармонии, тогда как неправильная мысль приводит только к хаосу, смятению и эксплуатации других людей.

Еще один пункт – не думайте, что мои слова применимы только к молодым, а не к старым, или наоборот. Я подчеркиваю это, потому что кто-то сказал мне на днях: «Почему вы взяли на себя этот труд? Вы слишком молоды. Вы можете еще влюбиться». Как будто духовность годна только для стариков или для тех, кто одной ногой стоит в могиле. Подразделяя жизнь и полагая, что цель ее может быть осуществлена только в каком-то отдаленном будущем, вы утрачиваете радостный смысл этого осуществления, так как обретение жизни кроется в самом моменте действия. Жизнь не знает деления на старых и молодых. В Вечном Теперь нет ни времени, ни этапов времени. Я буду говорить о жизни, проявленной в каждом из вас, и находящейся за гранью всех подразделений на национальности, классы или религии; жизнь эта, будучи по существу своему свободна, вечно стремится осуществить свою свободу; в ней нет обособленности, она сама по себе – единая реальность, единая, цельная, вечная. Об этой жизни я и говорю, – о том, как ее освободить, чтобы она выливалась непосредственно и утвердилась в немеркнущем блаженстве. Я говорю о блаженстве, так как в счастье истинное свершение жизни, высшая реальность, доступная человеку. Говоря об этом счастье, я не опираюсь на отвлеченную теорию; основываясь на собственном опыте, я утверждаю, что достигнув этого состояния путем отрешения от всех иллюзий, человек становится решительно всем; он сливается с каждым человеческим достижением, – будущим ли или прошедшим – и с каждым человеческим устремлением – хорошим ли или дурным. Освободив эту жизнь в себе, человек утверждает истину, которая есть счастье.

Жизнь есть процесс развития путем отбора, одинаково для молодых, так и для старых. И молодость, и старость имеют каждая свои иллюзии. Старикам свойственны иллюзии скрытых суеверий, в которых они укрываются от жизненных бурь. Современная молодежь в большинстве случаев ни во что не верит; она восстает против всякой ортодоксальности. Но самый этот бунт бывает иллюзорным, так как он слишком часто лишь прикрывает собой распушенность. Всякая ортодоксальность подразумевает дисциплину и бунт против авторитета является часто только бунтом против дисциплины. Таким образом, и старики, и молодежь имеют свои специальные иллюзии – иллюзии стариков кроются в удобных суевериях, иллюзии молодежи – в удобном неверии. В стариках это ведет к застою, а в молодых к бессмысленному бунту. Подсекая корень иллюзий путем выбора и постоянных усилий, человек освобождает ту жизнь, которая есть истина. Дело не в достижении чего-то далекого, а в освобождении того, что уже существует. Освобождая жизнь от иллюзий, человек позволяет ей беспрепятственно изливаться через себя и таким образом он устанавливает в себе совершенную ясность мысли и чистоту эмоций, присущих свободной жизни. Чтобы подсесть корень иллюзий, надо знать прежде всего, в чем он кроется. Он – в желании. Распознайте, каковы ваши желания, и вы поймете, что именно создает ваши иллюзии. Но не пытайтесь убить их, так как желание – сама жизнь. Старайтесь только, чтобы желания ваши имели правду в себе, то есть чтобы они согласовались со вселенской, а не с обособленной жизнью. Тогда в вас возникнут такого рода желания, которые не будут больше творить иллюзий.

Пытаясь обрести истину путем уничтожения желания, человек как бы подрезывает корни дерева, ожидая вместе с тем, чтобы оно давало прохладную тень, аромат и зеленые листья. Искореняя желания, он тем самым делает невозможным свое развитие. Вся задача его состоит в том, чтобы сохранить и укрепить желания, не позволяя им вместе с тем искать удовлетворения в иллюзиях. У большинства людей возникает конфликт между желанием и способом его удовлетворения, вследствие чего желание порождает не блаженство, как бы следовало, а скорбь. И тогда желание тотчас же ищет утешения. Напуганное вызванным им же результатом, оно ищет защиты от самого себя, создавая искусственный образец духовности. Такой образец почти всех удовлетворяет, причем люди не понимают, что он приводит не к свершению жизни, а к ее отрицанию. Духовность, рожденная непосредственно жизнью, непосредственно же проявляется в поведении. Когда же она является лишь бегством от жизни, между ею и жизнью всегда возникает конфликт.

В эволюции желания наблюдается три стадии. В первой стадии человек думает, что обладание домом, автомобилем, книгами или деньгами сделает его счастливым. Я не осуждаю эти стадии; это естественная первоначальная попытка формулировать истинную жажду, самому человеку еще не понятную. В действительности же он ищет надличного счастья и надличной любви, красоты; но он этого не понимает и толкует это как стремление к обладанию собственностью. Но такое стремление связано с завистью, ненавистью, алчностью и эксплуатацией других, так как богатства можно добиться только за счет другого; поэтому рано или поздно наступает разочарование. Неминуемо настанет время, когда человек видит, что нельзя добиться счастья путем обладания множеством вещей. Поняв это, он вступает во вторую стадию желания – он переносит жажду обладания в более тонкую область. Его желание обращается на приобретение духовных ценностей, имеющих защитить человека от жизненных бурь. Подобно тому, как он жаждал богатства, чтобы укрыться от борьбы за физическое существование, так теперь он ищет руководителей, учителей, авторитетов, чтобы спастись от конфликтов на более высоком уровне. Но и это оказывается со временем иллюзорным, так как единственная возможность укрыться от конфликтов лежит в победе над ними. Таким образом, он оставляет вторую стадию желания и вступает в третью. (Прошу помнить, что эти стадии не являются настоящими подразделениями. Жизнь не может быть так подразделена. Я говорю так только для удобства иллюстрации моей мысли). Третья стадия кажется сперва полным отрицанием,

так как она является отказом от всякой попытки искать счастье в чем бы то ни было вне себя, – во внешних ли физических удобствах, или во внешних духовных удобствах, каковыми являются учителя и наставники. Но если мы будем иметь мужество вступить в нее, мы увидим, что она позитивна, а не негативна. Отсутствие всякого желания внешней помощи освобождает подлинное желание; а оно сводится к жажде той помощи, которая может быть найдена человеком только в самом себе. Этого-то мы, в действительности, все время и ищем, сами того не зная. В этом настоящий смысл поисков внешней помощи. Когда таким образом освобождено желание, то освобождается и сама жизнь, так как желание есть не что иное, как жизнь. Истинное желание есть истинное бытие, оно – высшая истина, высшая духовность, абсолют. Оно слияние любви и интуиции, оно – Бог, оно – все.

Чтобы освободить желания, надо, следовательно, ясно понять сперва, какого рода удовлетворения они требуют, и затем проверить их в свете интуиции, то есть распознать, какова их ценность в смысле чистого бытия. Тогда человеку станет ясно, что истинное желание не может ставить свое удовлетворение в зависимость от другого лица. Только в себе самом и через самого себя можно осуществить чистое бытие, только своими собственными усилиями, собственным постоянным выбором и достижением можно добиться того истинного свершения желания, которого жаждет сама жизнь, проявляясь через желание.

Для всех мыслей и чувств существует одна только проверка: – принадлежат ли они к области вечного; но применение этой проверки требует самостоятельности в мыслях и чувствах; между тем люди менее всего склонны именно к этому. Надо выработать самостоятельное мировоззрение; мышление должно быть самобытным, а не механическим. Ключ к высшей реальности – самостоятельность мысли, чувства, поступков. Как бы это ни было трудно, надо бесстрашно это осуществлять. Рост – это борьба, и то, за что надо бороться – не для обособленного «я»; дело не в развитии того или другого качества, а просто в освобождении жизни. Вопрос в том, изливается ли она спонтанно, непосредственно из какого-то внутреннего источника, независимо от чего бы то ни было вне себя? Все остальное вызывает только беспорядок, смятение и скорбь; все остальное замыкает жизнь в клетке или, в лучшем случае, заменяет одну клетку другой.

Итак, счастливый человек тот, кто обрел свою собственную правду, – не правду другого, – человек, следующий голосу своей собственной интуиции, которая есть голос Высшего в нем.

Понедельник 26 мая

Весной каждое дерево, каждый куст, все в природе испытывает коренную перемену, и жизнь его обновляется. В человеке подобное обновление вызывается силой чувств. Обыкновенно человек знает гораздо больше, чем он способен чувствовать. Между тем важно не столько знание, сколько способность чувствовать ввиду того, что поступки обуславливаются не знанием, а чувством. С другой стороны, чувство, не сопровождаемое знанием, не выливается в ясное и четкое действие. С этой точки зрения знание можно рассматривать как связь или звено между чувством и действием, оно не позволяет чувству впасть в сентиментальность и придает четкость и осмысленность действию. Словом, чувство без знания – сентиментальность, а знание без чувств бесплодно. Правда в действии обуславливается сильным чувством, сопровождаемым ясным пониманием.

Совершенное равновесие между чувством и знанием кроется в интуиции. Это необходимо помнить, так как интеллект, предоставленный самому себе, расходует свою энергию на систематизацию и отдаляется от жизни. Но жизнь систематизировать нельзя; слишком она для этого богата и гибка. Поэтому первенствующее значение имеют мысли, чувства и поступки людей, а не их верования. Всякое верование подразумевает определенную систему. Между тем, говоря откровенно, для большинства из вас главную роль играет вера. Вас заботит принадлежность к той или другой системе, а не ваши мысли и чувства, степень нашей чуткости, инстинк-

тивной способности правильно выбирать и распознавать. Все системы лишь измышления рас-судка и ни одна из них не подведет вас к глубокой реальности жизни. Все системы – явления чисто внешние, тогда как жизнь требует слияния внешнего с внутренним. Причина дисгармо-нии между истинным «я» человека и его внешними проявлениями в том, что интеллект и чув-ство не слиты в нем воедино, вследствие чего чувство остается без руководства, а интеллекту не хватает углубленности. Следовательно, истинная функция интеллекта – в создании живой связи между внутренним чувством и внешним действием. Поэтому я так восстаю против вся-ких систем; как только ум начинает систематизировать, он перестает быть звеном между чув-ством и действием и начинает работать независимо от них. Всякие системы опасны, потому что человек склонен ставить их выше полноты и богатства самой жизни. Другая опасность заклю-чается в определенности рамок всякой системы, позволяющей пригонять к ней всевозможные явления, в силу чего утрачивается способность судить о них непосредственно, как их выявляет свободное течение жизни. Система заменяет собой бдительность, сознательность, внимание и люди предпочитают системы именно потому, что постоянная бдительность и сознательность трудны и тягостны. Человек должен, оставив все системы, судить и бороться самостоятельно.

Слияние правды в чувстве и правды в действии дает в результате так называемую инту-ицию, являющуюся истинным звеном между объектом и субъективными мирами. При отсут-ствии этого звена подлинное чувство не может выразить себя; точно так же интеллект, не сопровождаемый подлинным чувством, бессилен выполнить свою функцию – установление гармонии между внутренним и внешним миром. Нельзя врачевать внешний мир той или дру-гой системой – средство это чисто наружное; гармония возможна только, если она коренится в прочно установленном внутреннем или субъективном согласии. Иначе говоря, гармония может быть установлена во внешнем мире только, если подлинное чувство будет проявляться в мире через посредство подлинного понимания.

Через одно только знание нельзя ничего достичь; оно должно вдохновляться правдой чувства; поэтому необходимо избавиться от гордыни интеллекта и стать простым, непосред-ственным, свободным. Человек может обладать огромными знаниями, но какая ему польза, если он не умеет чувствовать, не чуток, не горит любовью к жизни? Научные системы только сбивают его с толку и поработают его; он не рассматривает их только как орудие. Ценно одно только знание – знание, вытекающее из личного опыта, плод подлинного чувства. Все, что воспринимается умом другими путями, бесплодно для жизни. Все системы должны уступить место подлинному пониманию. Надо нестись по течению жизни, а не задерживаться в стоя-чих водах. Интеллект плодотворен, когда он, как живая интуиция, направляет жизнь, не задер-живая ее хода, а содействуя быстроте ее течения. Он должен давать не системы, а инстинкт направления. Надо улавливать все тончайшие изгибы истины, составляя каждую минуту пра-вильное суждение и, при недостатке знания, руководствуясь правдою чувства.

Вторник, 27 мая

Многие говорили мне вчера, что я произнес «прекрасную речь»; услышав это, у меня сердце дрогнуло. Боюсь, что «прекрасной речью» я помог согласовать старое с новым. Про-гресс невозможен при примирении старых достижений с новыми устремлениями. В этом вопросе я чрезвычайно серьезен – более серьезен, пожалуй, чем вам бы того хотелось. Как только я произношу знакомые слова, как «сознание», «совесть», «душа», мои старые друзья откидываются на спинку кресла и облегченно вздыхают, чувствуя себя в знакомой атмосфере невежества. Затем они подходят ко мне и говорят: «Какую чудную речь вы произнесли вчера».

Поймите, что жизнь – неослабная борьба, а не спелый плод, который можно сорвать в счастливые и беспечные минуты. Нельзя, спокойно усевшись в кресло, рассматривать жизнь, как удобное установление; необходимо все время напрягать все усилия, чтобы, меняясь, нахо-дить новую ориентацию мысли, так как ум и сердце, как нечто живое, не могут никогда найти

себе покоя. Потому мне жутко, когда мне говорят: «Какая прекрасная речь! «Это означает, что настоящий смысл моих слов не усвоен. Я предпочел бы, чтобы слова мои вызвали неудовольствие. Если бы вы поняли их значение, вы не довольствовались бы своими прежними уютными, предвзятыми идеями. Вы хотите все согласовать. Конечно, приятно сидеть в кресле и безмятежно разглядывать жизнь. Но так человек ее не познает. Он живет и растет через нескончаемую борьбу, бесконечное разнообразие, постоянные сомнения и бури. Жизнь – это неудовлетворенность; но такая неудовлетворенность несет радость, так как радость не знает спокойного убежища. Она вечно растет, ширится, множится.

Всякая жизнь сопряжена с ростом и увяданием; а увядание дает в результате обновление жизни. Но ведь не гибнущие формы производят это обновление. Оно возможно только при посеве нового семени, а посеять его может только сам человек. В каждом сокрыта потенция творчества новой жизни. Поэтому я и подчеркиваю значение индивидуума и считаю так важным, чтобы он нашел в себе мужество освободиться от оков организации. Только так может он сотрудничать с жизнью. Возьмем современную цивилизацию; она не содействует развитию человека, а давит его, превращая в машину. Современная цивилизация не создает окружения, в котором человек мог бы свободно расти. Нельзя исправить это, только перестроив клетку, в которую цивилизация заключила человека. Он должен выйти из клетки и утвердить свою индивидуальность. Только так может он посеять семена будущего и сделать возможной новую ориентацию мыслей и чувств. Потому-то индивидуальные усилия имеют такое огромное значение; индивидуум именно в силу своей индивидуальности является спасителем общества. Важнее всего, значительней всего – быть индивидуумом, быть абсолютно самим собой. Важно то, что человек из себя представляет, а не то, к каким организациям или религиям он принадлежит.

Как только человек воспримет эту истину, для него выяснится настоящая необходимость отбросить все иллюзии и создать новый мир – свой собственный мир. Поэтому не успокаивайтесь, не застывайте, не ищите примирения со старым. Путь к истине лежит через сомнения, отбрасывание, отрешение, чуткость восприятия новых ориентаций и приспособления к ним.

Среда 28 мая

Люди ищут, обыкновенно, вдохновения, понимания, счастья вне себя. Но это лишь побрякушка, не имеющая никакого отношения к подлинному действию и подлинной жизни. Истинная мудрость дается только опытом. Действие – чистое действие, изливающееся непосредственно изнутри – вот то орудие, при помощи которого жизнь приходит к самосознанию. Только оно дает опыт и потому оно одно порождает мудрость.

Многие исповедуют прекрасные идеи и теории, полагая, что в них и заключается мудрость. С моей точки зрения теории эти ни к чему не пригодны. Истина обретается только борьбой, причем борьбой чисто индивидуальной. Только собственными усилиями может индивидуум установить новое отношение к людям и явлениям, заключающее в себе осуществленную на практике правду, Совершенное действие, или, иначе, правда в действии – плод любви и беспристрастной мысли. Тонкая приспособляемость дает в результате гармонию, а правда в действии обнажает иллюзию жизни.

Иллюзия создается желаниями, а желания определяются выбором. Поэтому, чтобы не обольщать себя иллюзиями, надо тщательно, продуманно выбирать самое важное и существенное.

Поступки большинства людей обусловлены предвзятыми представлениями о духовности, навешанными той религией, в которой родился человек. Все действия, коренящиеся в таких внешних факторах, отмечены печатью страха. Возьмем, например, гнев. Бесполезно подавлять его, только повинаясь указаниям того или другого Учителя. Надо понять его суть, победить его пониманием; но такое понимание возможно только при отсутствии страха.

Представления о духовности перемешаны, обыкновенно, со множеством других идей. Вам кажется, что духовность требует, чтобы вы голодали, ходили раздетыми, подвергали себя всевозможным физическим лишениям; и все эти представления вы вносите в свои действия, хотя они не имеют ничего общего с жизнью.

Истина раскрывается посредством действия, основанного на правильном выборе. Только так можно самому познать правду жизни.

Четверг 29 мая

Мы слишком склонны связывать наши суждения с определенными личностями. Мы желаем знать, кто постиг истину, кто ученик ее и хотим следовать этому ученику. Я же говорю: если вы хотите постичь, отбросьте всякое поклонение личностям; сюда я включаю и себя. Не принимайте моих мыслей только потому, что я их высказал. Нельзя жить, принимая только на веру чужие слова. Бесплодно стремление расти, опираясь на учителей, так как ни один учитель не может заменить собой истину. Истина сокрыта в вас самих, и как только вы ее объективируете, вы утрачиваете то положительное, динамическое свойство, которым только ваш ум и ваше сердце могут ее облегчить. Если вам уже хочется сделаться учениками, будьте учениками самой истины, таким образом вы не будете поработаны никакой личностью. Поэтому я настоятельно прошу всех моих слушателей не принимать на веру того, что я говорю. Если вас привлекают великие мысли, придите к ним естественным путем, то есть дорастите до их величия изнутри. Тогда красота мысли станет вашей собственной, то есть красотой самой жизни.

Пятница 30 мая

Человек, не полагающийся на свое суждение, инстинктивно опирается на авторитет и традицию; вследствие чего он ослабляет свою способность к суждению. Суждение стремится стать все более и более надличным и освободится из своих же пут. В этом никакой авторитет помочь не может; наоборот, вреднее всего для него опираться на авторитет. Только неустанная борьба может прояснить суждение. Только посредством целого ряда выборов, выливающих в действие, может человек научиться полагаться только на себя и считать себя ответственным за свои поступки.

Разумеется, при этом легко возникает другая опасность – опасность упорно заостенеть в своих мнениях, но человек излечивается от этого страданием. Только так можно выработать в себе способность к ясному суждению, не окрашенному предвзятыми мнениями и личной фантазией. Ведь в конечном счете все люди стараются выработать беспристрастное мировоззрение. Но оно устанавливается долгим процессом распознавания, роста, с одной стороны, и отбора – с другой. Как только возникает желание этого достичь, исчезает всякое стремление опираться на авторитет или традицию.

Подражание вызывается недостатком доверия к собственному суждению и оно же создает ложные или заимствованные представления о духовности и цели жизни. Всякая групповая жизнь основана на подражании; в корне ее лежит принцип объединения людей одинакового типа и мировоззрения. Таким образом групповая жизнь является противоположностью индивидуальному саморазвитию; между тем только путем индивидуального саморазвития можно постичь и осуществить цель жизни. Как только устанавливается стандартизированный тип величия и духовности, он душит собою индивидуума.

Вам по собственному опыту известно, что все время на нас производится давление, чтобы заставить вас подладиться под определенный тип или подчиниться известным ортодоксальным утверждениям. Отбросьте это совершенно, как бы велик и могуществен ни был наш авторитет; чтобы обрести истину, надо абсолютно противиться всякой стандартизации.

Но как далеки от этого люди! Средний религиозный человек имеет церковное представление о духовности и формирует себя согласно этому образу. Но для истинного постижения

и развития всякое мерило, задерживающее рост и суживающее мышление, не может быть полезно. Поэтому, если вы хотите расти, вам необходимо восставать против авторитета. Его надо заменить собственным опытом; только так может человек обрести скрытую в нем реальность. Другими словами, борьба необходима для роста; только путем борьбы человек теряет чувство обособленности, утешает и побеждает свои реакции и находит счастье, сокрытое в его сути. Из этого следует, что счастье – не самоуслаждение, а кульминационная точка борьбы. Достижение – дело чисто индивидуальное, потому подражание не может содействовать ему. Подражание – прибежище тех, кто боится осуществить цель жизни единственным правильным путем.

В одной из прежних речей я говорил о трех стадиях, через которые должно проходить желание. Испытав их и не найдя в них удовлетворения, человек начинает полагаться только на себя и на свои силы, не заботясь о том, что говорят другие. Мысли и чувства его становятся его собственной реальностью, и он начинает расти – расти вечно, так как жизнь на месте не стоит. Действия его уже не вызывают реакции и в силу того, что вся жизнь его излучается наружу из своего собственного центра, рост и достижения его уже не зависят ни от чего внешнего. Тут-то человек и становится воистину духовным и культурным, так как между его воззрениями и поступками нет больше разлада. В этом и состоит истинное мерило духовности и культуры.

Человек, ничего не требующий извне, обитает в чистой своей сути и становится чистым выражением жизни. Лабиринт иллюзий не держит его более в плену; он свободен.

Суббота 31 мая

Иногда, чувствуя беспокойное брожение в себе, человек спрашивает себя: чего мы ищем, чего хотим, что оправдывает эту, по – видимому, бесплодную борьбу, и скорбь, и усилия? Прошу вас, слушая меня, прилагать мои слова к самим себе, а не к вашим соседям. Гораздо интереснее проверять себя самого; самоанализ содержит в себе движущую силу, тогда как разбор чужого характера совершенно бесплоден.

Спрашивая себя, чего он ищет, человек, собственно говоря, силится понять, как действует жизнь в ее целом и что такое истина в ее целом. Он стремится выделить общее среди массы частных. Человек хочет постичь жизнь во всех ее изгибах, понять, каким образом он, как отдельная особь, может ее выразить и воспринять то счастье, которое является завершением жизни. Но при этом каждый человек, – подвинутый ли или нет, – желает истолковать жизнь на свой лад, пригнать к своей мерке. Философ воспринимает жизнь рассудком и измышляет множество систем и объяснений. Поэт ищет понимания жизни в ритме и красоте слов и т. д. Словом, каждый толкует жизнь согласно своим вкусам и желаниям, или сообразно той системе или религии, к которой она принадлежит.

Но чтобы постичь жизнь в ее целом, нельзя подходить к ней с одной только стороны, так как жизнь все в себе заключает; она за гранью всех философий, словесных украшений, красоты и уродства, богатства и бедности; и, вместе с тем, она во всем этом содержится. Чтобы глубоко осознать жизнь, надо постичь ее во всей ее полноте, во всей ее целостности, освободившись для этого от всех прихотей желания. Жизнь, как сокровенный принцип – полнота мысли и любви; и объять эту полноту можно, идя от личного к надличному. Вследствие этого неизбежна постоянная борьба между умом и чувством, пока они не достигнут равновесия в самодовлеющем счастье освобожденной жизни. Все частные желания – поэта, философа или беспечного искателя наслаждений – по существу своему желание обрести это самосущее, самодовлеющее, немеркнувшее счастье. К нему стремится и ваша собственная жизнь, обособленная, запутавшаяся в реакциях, гонимая страхом. В нем – конечная суть жизни, которую она все время стремится действительно проявить. Всякое нереальное удовлетворение внутренней жажды, именуемой желанием, сопровождается, обыкновенно, стремлением поделиться этой нереальностью с кем-нибудь другим. Я объясню, что я хочу этим сказать. Вы хотите дарить любовь и понимание

на свой особый манер – на ваш свой собственный лад, и огорчаетесь, когда их отвергают. Это вместе с тем и жестоко с вашей стороны; так как ваш дар вызван властным желанием, руководить, господствовать... такие дары производят в результате нашу железом окованную мораль. Давать и требовать – по существу одно и то же. Давая, человек слабеет, а требуя, он опирается на внешнюю поддержку. Поэтому ни то, ни другое не имеет ничего общего с истиной.

Дело в том, что и давая, и требуя, человек, по существу, выходит наружу, прочь от себя; а этому именно и надо противиться. Не давая и не требуя ничего, что он из себя представляет? Он – Бытие – т. е. то единственное, что положительно в человеке.

Бытие не знает страха и не зависит ни от чего вне себя, потому оно не отбрасывает от себя тени. Оно не ведаёт раздельности и потому оно бессмертно. Вступая в это чистое Бытие, человек сам становится блаженством выразившей себя жизни, так как он все в ней испытал. Такое Бытие и есть свершение жизни. К этому стремится каждый человек – он хочет быть самым собой, не зависеть ни от чего внешнего. Когда человек – такое Бытие, он подобен солнцу, в лучах которого все растёт, без разделения на дурное или хорошее, скверное или безразличное.

Не пытайтесь постичь Бытие с одной только стороны. Оно неизмеримо выше всех мелких творений иллюзии. Ищите его, отбросив всякий страх, тогда жизнь покажет, что она намерена сделать из нас.

Воскресенье, 1 июня

Постараюсь суммировать сегодня все сказанное мною на прошлой неделе. Чтобы ясно понять мои слова, надо подходить с искренним желанием их постичь. Я буду употреблять обыкновенные выражения и от вас будет зависеть либо сделать из них преграды, либо мосты, облегчающие переход. Некоторые мои утверждения звучат догматично, но, если прислушаться к ним без предубеждения, то станет ясно, что они выливаются от полноты понимания и жизненного опыта.

Все люди захвачены жизненной суетой, постоянной тревогой ее и борьбой. Чтобы понять ее цель, надо прежде всего осмыслить ее интеллектуально и затем осуществить свои интеллектуальные теории на практике. Истинно культурный человек – тот, кто перекидывает мост между мыслью и действием. А так как мысль появляется прежде всего, то необходимо, чтобы она имела правду в себе. Потому надо подходить к этой проблеме с ясным, синтетичным умом, свободным от предубеждений, самолюбия, суеверий – с умом, готовым добраться до самой сути ее, а не порхающим только на ее поверхности. Надо понять, чего старается добиться жизнь, сконцентрированная, как в фокусе, в индивидууме, за что она борется и как она пролагает себе дорогу среди перекрестных стремлений, нереальностей, и иллюзий, окутывающих ее. Подобно птице, находящей дорогу к своему гнезду среди городской сумятицы и шума, должен каждый человек понять конечную цель жизни – цель, заключающую в себе, начало и конец всех вещей.

Эту истину можно раскрыть только путем непредубежденного анализа. Подвергните мои слова действительно разумной критике. Под разумной критикой я разумею отбор всего существенного и отстранение всего несущественного. Выбрав путем такой разумной критики все существенное, ассимилируйте это, то есть проведите в жизнь. Вся трудность заключается в том, что каждый ищущий истину заранее склонен истолковывать ее на свой лад. Он измышляет теорию об истине и вместо того, чтобы формировать себя согласно истине, он формирует себя согласно своей теории о ней; потому и возникают бесчисленные типы «так называемой» духовности. Я намеренно употребляю выражение «так называемой».

Существует, например, «так называемая» духовность аскетизма. Многие убеждены, что быть аскетом, значит быть духовным. В действительности же, аскет только человек, охваченный страхом перед жизнью. Он ненавидит мир, потому что он его не понимает и бежит от

жизни, потому что бессилён её победить. Он отвергает мир и весь опыт, предлагаемый миром. Другими словами, он отвергает жизнь.

Затем есть тип духовного человека, надеющегося, что чудо спасёт его от жизненной скорби и борьбы. Вместо того, чтобы бороться за своё возрождение, он надеется на какие-то внезапные события, имеющие изменить всё его мировоззрение. Он не побеждает страдания, а ждет, чтобы божественная Рука утешила сердечную боль и водворила мир в смятенном уме.

Опять-таки есть тип подражателя. Подражание бессильно создать красоту, так как оно противно жизни. Всякое подражание механично, оно принадлежит миру ортодоксальности, традиции и ограничения – миру тления.

Наконец, существует тип, пытающийся укрыться от истинного понимания, став под защиту интеллектуальной системы. Все системы – лишь измышления ума. У жизни не может быть систем, так как она всё время непрерывно движется, растёт, трудится, стремится. Всякая систематизация связывает её, отрицая самый факт её жизненности. Поэтому рассудок сам по себе не может её понять; не может её понять и чувство само по себе. Чтобы постичь жизнь, нужна сила, а сентиментальность всегда слаба. Поэтому необходимо отбросить все эти аспекты так называемой духовности. Искание истины не должно быть обременено предвзятыми представлениями. Оно должно быть свободно от всех оков, налагаемых традициями, обстоятельствами, интеллектуальными системами. Начинается оно с самоанализа. Отдайте себе прежде всего отчет в том, что вас, собственно говоря, интересует и чего вы, собственно, хотите. Утешения, покойной жизни или роста? Разберитесь в своих желаниях – в своих собственных, заметьте, а не в чужих. Бесплодно тратить время на попытки угадать, что другой человек думает – узнать это нельзя никогда. Весь ваш анализ должен быть сосредоточен не на вас самих. Вопреки ходячему мнению, желание – самое драгоценное достояние человека. Оно – вечное пламя жизни, оно – сама жизнь. Однако при непонимании жизни, оно становится жестоким, животным, тупым. Поэтому надо постичь желание, а не убивать его, как это делают, обыкновенно, духовные люди. Убив в себе желание, человек уподобляется засохшей ветке чудесного дерева. Желание должно шириться, путем постоянной борьбы и трения раскрывая свой истинный смысл. Только так можно его постичь. Но большинство людей не видит этого. Как только надвигается борьба и связанное с нею страдание, они тотчас же ищут утешения. А утешение в свою очередь рождает страх. Под влиянием страха человек начинает подражать и укрываться под сенью традиций, строгих нравственных кодексов, определяющих, что духовно и что не духовно, что входит в религиозную жизнь и что в неё не входит. Учителя, руководители, гуру, церкви, религии, всё это порождение страха. Я это знаю.

Вопрошающий, искренно мятущийся ум не может найти удовлетворения во всем этом. Страх побуждает человека приспособляться, подчиняться, превращать себя в машину, в трафарет. Всё это сжимает душу – а сжатие – это медленная смерть. Не этим путем может желание себя свершить. Рост возможен только при освобождении желания от всякого страха и, следовательно, от жестокости, и эксплуатации, неразлучных с жаждой утешения и покоя, под сенью которых и укрывается страх. А этого, опять-таки, можно достичь только, если под влиянием контакта с самой жизнью, исчезнет эгоизм желания. Только так можно открыть ту реальность, которая есть завершение желания. Воистину расти – значит, под влиянием жизненного опыта, любить и думать всё более и более надлично.

Желание, освобожденное от своих ограничений и от иллюзий страха, преобразается в радость, а радость – лишь истинное равновесие между разумом и любовью. Желание, вначале личное, ограниченное, беспокойное, зависимое, растёт через страдание и становится, наконец, всеобъемлющим, подобно солнечному закату, излучающему свою красоту и ничего не требующему в обмен. Точно также и мысль становится всё более и более беспристрастной через постоянный опыт, выбирая, ассимилируя и отвергая.

Когда мысль и желание очищены, между ними устанавливается совершенное равновесие, именуемое интуицией и завершающее собою жизнь. Такая чистая жизнь и есть высшая реальность, и я утверждаю, что каждый человек должен рано или поздно ее обрести. Она не предназначена только для немногих. Жизнь борется за свое осуществление в каждом человеке и путь к этому осуществлению всегда один и тот же – борьба, усилие, отбор, конфликт.

Я утверждаю, что я достиг этой высшей реальности. Для меня она – не богословское понятие, она – мой собственный жизненный опыт, определенный, реальный, конкретный. Поэтому я и могу указать, что требуется для ее достижения, и я говорю, что прежде всего надо точно установить, чем должно стать желание, чтобы себя свершить, и затем так дисциплинировать себя, чтобы каждую минуту следить за своими желаниями, направляя их в сторону той всеобъемлющей любви и мысли, которые должны быть их истинным венцом и завершением. Когда установлена дисциплина неослабной бдительности и наблюдения за всеми чувствами, мыслями и поступками, тогда жизнь перестает быть деспотичной, скучной, бессмысленной и превращается в целый ряд возможностей для роста и свершения желаний.

Следовательно, цель жизни – не нечто такое, что может быть осуществлено лишь в далеком будущем. Она должна осуществляться ежеминутно в том. Теперь, которое включает в себе всю вечность. При таком осуществлении каждый момент кроет в себе власть над будущим, тем, что вы из себя представляете теперь, вы делаетесь господином завтрашнего дня. Чтобы понимать жизнь и осмысленно ее изживать, надо освободиться от всех иллюзий, создаваемых желанием в своем стремлении расти. Другими словами, надо отбросить страх, так как все иллюзии – порождения страха. Откинув страх, человек видит ясно, куда клонится желание и как оно осуществляет свою цель. Тот, кто сознательно ищет счастья, не должен отделять желаний от поступков. Зная, к чему, собственно, стремится желание, он будет осуществлять его в повседневной жизни. Другими словами, все его поступки будут выявлять то равновесие между разумом и любовью, которое и составляет истинную цель желания, так как оно освобождает их.

Лагерь в Охае (продолжение)

Вопрос: Определите, пожалуйста, разницу между чистым действием и черствым безразличием.

– Черствое безразличие – смерть, тогда как чистое действие – жизнь, изливающаяся изнутри наружу, не возвращаясь обратно на себя. Когда ваша любовь не встречает взаимности, вам сперва больно и досадно, затем вы становитесь безразличны и черствеете. Но подлинная любовь не считается с симпатиями и антипатиями, и отсутствие взаимности ее не волнует. Такую любовь можно в себе развить, только пережив реакции и вытекающие из них эмоциональные бури. Жизнь не терпит безразличия и, если вы равнодушны, она не даст вам покоя. Я знаю, что многие люди, разочаровавшись в людях, влюбляются в природу. Природа ведь не отвечает взаимностью, не говорит: «Мне нет до тебя никакого дела». А человек сопротивляется; такое сопротивление трудно преодолеть, и потому человек уходит в область романтики.

Вопрос: Что вы подразумеваете под словами: «Все боги ложны»?

– Поклонение другому «Я есмь» безжизненно. Когда же вы поклоняетесь тому «Я», что пребывает повсюду, оно перестает быть богом для вас и становится жизнью. Под влиянием внешнего культа человечество само в себе разделилось. Поклоняясь сверхчеловеку, вы в то же время эксплуатируете и умерщвляете обыкновенного человека. Бог не пребывает где-то вне человека. Человек есть Бог, жизнь, все. Красота заката и величие гор вас не удовлетворяют, вам нужно, чтобы на вершине этих гор сидел ангел. Вам мало просто любить человека, вам надо знать, каковы его качества и убеждения. Как только вы начинаете поклоняться какому-то сверхчеловеческому существу, как Богу, вы начинаете жестоко обращаться с людьми. Я знаю, вы скажете: «Не всегда же так бывает». Но случается это все-таки довольно часто, не правда

ли? Пройдитесь по улицам и осмотритесь кругом: большие церкви, а рядом человек в слезах. Когда вы будете поклоняться стоящему рядом с вами человеку, вы постигнете цель жизни. Не все ли равно, кого вы любите и кому поклоняетесь, – сверхчеловеку или обыкновенному человеку? Важен лишь самый факт любви и преданности. Зачем дарить чудесную красоту любви, ее аромат лишь немногим? Способность ценить красоту заложена в вас самих, и чтобы раскрыть совершенство понимания ее, надо непрерывно расти и меняться. Вот почему надо чувствовать не только красоту природы, но и красоту человека, невзирая на неуклюжие ее проявления, которые вы называете злом, осуждая их.

Вопрос: Вы говорили о самодисциплине, налагаемой вдохновенной любовью к жизни. У большинства людей самодисциплина – явление случайное, не навеянное вдохновением. Что можете вы сказать по этому поводу?

– Прежде всего, надежда на вдохновение извне еще не дисциплина. Вдохновение – это разум, доведенный до высшей точки сознательности, то есть интуиция. А она требует дисциплины, самостоятельного мышления и постоянного наблюдения за развитием мысли путем борьбы и приспособления. То же самое можно сказать и о вдохновении, навеваемом красотой. Красота заключается во всем, разнится лишь способность к ее восприятию. Если вы не влюблены в жизнь, это значит, что вы этой способности в себе еще не пробудили и потому ищете вдохновения извне. Вы дисциплинируете себя, но вся ваша дисциплина построена на ложных основах. Настоящая дисциплина – иная. Как только вы отбрасываете страх, вы уже дисциплинированы, так как желание само по себе уже дисциплина. Например, если я хочу стать художником или поэтом, я в этом направлении и развиваю свои способности, наблюдаю свет и тени, пропорции, перспективу. Если же я хочу стать поэтом, я изучаю ритм слов. Итак, я дисциплинирую себя, наблюдая, изучая, так как я имею дело с самой жизнью. Я дисциплинирую себя, потому что я влюблен в жизнь. Вот что я понимаю, говоря, что желание является собственной своей дисциплиной. Это нечто совершенно иное, чем обыкновенная дисциплина, установленная под влиянием страха, она не может дать никаких результатов. Все это очень просто, если смотреть на это здраво и естественно. Настоящая дисциплина – не подавление и не распушенность, она – поэзия уравновешенности и красота опыта. Она – подлинное действие, возникающее, когда человек, нажив опыт, от него освобождается.

Вопрос: Нужно ли и желательно ли бросить деловую жизнь, чтобы достичь освобождения? Многие считают необходимым удалиться от мира. Правильно ли это?

– Прошу вас, взгляните на это с чисто практической точки зрения. Удалиться в пустыню – очень приятно. Но практически это возможно только в одной стране, – а именно в Индии. Там на отшельника смотрят как на святого и снабжают его пищей. Думаю, что в Америке этого делать не станут. Но независимо от этого, отшельническая жизнь ни в коем случае вас к освобождению не приблизит. Истинное понимание обретается в постоянном общении с людьми. Отшельничество – лишь замаскированное бегство от напряженности труда и усилий. Отшельник делает на свой лад то же самое, что и человек, ищущий наслаждений. И тот и другой, каждый по – своему, боится взглянуть в лицо себе и жизни. Чрезмерная деятельность – другое проявление того же малодушия и часто знаменует лишь бегство от жизни. Существует один только способ воистину жить – раскрывая себя всем возможным контактам с жизнью. Истина и счастье обретаются среди людей, а не вдали от них. Поймите, прошу вас, что все это диаметрально противоположно всем вашим прежним представлениям об отшельниках, избранных группах и об отгораживании себя от людей. Я не нападаю на все это, а хочу лишь указать, что не этим путем можно раскрыть правду жизни. Только постоянный контакт с жизнью, со всеми ее ограничениями и извращениями может вас к ней привести. Истину можно постичь только посредством предназначенных для того живых орудий – через восприятия и чувства. Следовательно, отшельничество – бегство от истины. Человек – живая ветвь вселенского дерева и, отсекая себя от этого дерева, он сохнет и гибнет.

Многие из вас согласятся со мной, но одного согласия мало. Нужно действие, а это – дело чисто индивидуальное. Если вы со мной согласны, порвите с иллюзиями и с обособленными организациями. Будьте сами свободны, тем вы освободите и других. Вот почему я говорю: если вы чем-нибудь захвачены, отдайтесь этому всецело, всеми мыслями и всей душой.

Вопрос: Вы говорите, что в равновесии между разумом и любовью – вся суть достижения. Но разве оно не состоит в совершенном развитии всех качеств, а не только этих двух? Если это так, то не надо ли на протяжении веков развивать все качества?

– Любовь и разум включают в себя все качества.

– А сила?

– Да, сила кроется в мысли. Она – лишь жажда господствовать, а эта жажда коренится в мыслях. Мир же – проявление любви, стремление жить со всеми в согласии. Качества – только разветвление одного и того же дерева и, если корни его здоровы, то здоровы будут все его ветви. Я знаю, многие люди пытаются развить определенные качества и в этом преуспевают, но такая специализация производит односторонность. С другой стороны, свободно и гибко развивая ум и любовь, чутко прислушиваясь к жизни во всех ее проявлениях, человек обретает равновесие, то есть мудрость, а мудрость включает в себя правду подлинных чувств и мыслей, в силу того, что она – плод просветленной жизни и, следовательно, она всеобъемлюща. Истинная доброта требует большого ума, наблюдательности, собранности и бдительности.

Вопрос: В каждом человеческом сердце кроется желание помочь несчастным. Одни это делают индивидуально, другие же через организации. Разве организация, стремящаяся помогать, препятствует индивидуальному достижению?

– Вопрос об организациях очень прост. Организации, снабжающие людей пищей, необходимы, но человек питается и набирается сил только, если он ест сам. Постарайтесь понять разницу между объективными организациями и субъективными. В мире объективных явлений организации, конечно, должны существовать, но их не должно быть в мире субъективном, к которому вы все принадлежите.

Вопрос: Вы учите, что молитвы, обряды и церемонии не нужны. Насколько я это понимаю, учение это обращено к живым людям. Но что вы скажете об обрядах и церемониях, совершаемых для умерших? Нужны ли такие обряды и церемонии, имеют ли они значение? А если имеют, то в течении какого времени? Месяцы или годы? Если же они значения не имеют, то почему?

– Если живым церемонии не нужны, то они не нужны и мертвым. Я утверждаю, что церемонии – всякие церемонии – бесполезны для человеческого развития. Для человека, воистину живущего, времени не существует. Для человека, познавшего вечность в настоящем, нет ни живых, ни мертвых. Смерть и поклонение мертвым существует только для того, кто всегда живет в будущем и не сосредоточен в настоящем. Я знаю, что многим интересно знать, что делается после смерти. Но, чтобы победить смерть, надо жить в настоящем. Для того, кто это испытал, это не трюизм, а конкретный, реальный факт. Но для того, кто только в будущем ищет разрешения настоящих проблем, это всегда останется только теорией.

Вопрос: Вы говорите про себя: «Я целое» и в то же время говорите, что вы – не оракул и не можете разрешать все проблемы. Если вы «целое», вы должны быть в состоянии, как мне кажется, разрешать все проблемы. Быть «целым» значит, по – моему, быть вездесущим, всеведущим и всемогущим. Дайте, пожалуйста, исчерпывающее объяснение. Я уверен, что многих интересует этот вопрос.

– В известном смысле сознание того «Я», которое пребывает во всем, есть уже всеведение и вездесущие. Но из того факта, что я разрешил свои проблемы и слился с этим «Я» еще не следует, что я могу разрешить ваши проблемы. Человек может разрешить свои проблемы только изнутри, путем понимания. Вы опять-таки требуете духовных снадобий. Вам страшно, и потому вы ждете спасения извне. Моя задача – если таковая у меня имеется – пробудить в вас

сознание, что вы строите иллюзии и, таким образом, побудить вас разрушить их. Только так пытаюсь я вам помочь. Впрочем, это мог бы сделать каждый. Все же это трудно и все затруднения создаются вами самими. Вы еще недостаточно страдали и потому не чувствуете настоящей неудовлетворенности. Вы боитесь в поисках истины сойти с проторенной дороги. Вы предпочитаете отгораживаться от жизни, утверждаясь в своих иллюзиях и принимая их за подлинное знание. Иллюзии эти реальны для вас, потому что вы еще не познали подлинной Реальности.

Вопрос: Если человек покинет все философские общества и церкви, лучше ли он поймет вас? Другими словами, у кого больше шансов осуществить ваше учение, – у того ли, кто придерживается философских систем и церковных учений, или же у того, кто от них отошел?

– Как вы думаете? Лично я не принадлежу ни к каким организациям, считая, что они затрудняют понимание. Все философские системы, церкви, организации – измышление рассудка и, следовательно, с моей точки зрения, они иллюзорны. Это применимо в той же мере ко мне, как и к организациям. Если вы меня сделаете своим авторитетом, вы разрушите реальное.

Я объяснял подробно, почему организации не могут привести к истине. Истина – дело чисто индивидуальное и субъективное, а организация – явление объективное. Как только вы поклоняетесь какому-нибудь другому «Я есмь», вы впадаете в иллюзию. Прошу вас серьезно продумать это. Жизнь не станет ждать, пока вы исподволь будете расти и меняться. Она нетерпелива и быстра. А вы год за годом задаете мне все те же вопросы. Я не понимаю, зачем вы приезжаете на эти съезды? Было бы лучше, если бы вы были либо тем, либо другим. Я это говорю не потому, что я суров, я хочу лишь указать, что жизнь слишком серьезная вещь, чтобы ею играть. Если вы считаете, что церкви, общества и системы нужны – примкните к ним, отдайтесь им искренно, всем сердцем. Если же вы считаете их ненужными, бросьте все это. Когда дело касается истины, не может быть речи о лояльности. Истина выше всех людей, выше всякой личной приверженности к ним. Решите, поэтому, чего вы, собственно говоря, хотите, если вы не желаете подпадать под власть иллюзий, отойдите от них. Вы увидите тогда, как жизнь легка без этого всего, как просто и прекрасно вы будете расти, опираясь только на собственные силы. Вам страшно положиться только на собственное суждение и испытать свои силы и потому вы предпочитаете цепляться за старые, изжившие свой век организации.

Вопрос: Разве ваше учение о ненужности морали не полно опасности для молодежи, еще не определившей своей цели?

– Говоря, что мораль не нужна, я не рекомендую распущенность. Я хочу лишь подчеркнуть отличие морали от жизни или, другими словами, разницу между совестью и сознанием. Так называемый «нравственный человек», в узком смысле этого слова, боится вступить в жизненный поток. Он нерешительно переминается на берегу. Человек, действительно ищущий истину, бросается в воду и переплывает на другой берег. В конце концов, что, кроме вашего собственного опыта, может указать вам, что нравственно и что безнравственно? Современная молодежь так и поступает. Она хочет сама все познать. Правда, опыты ее хаотичны и она, откинув старые дисциплины, часто предается распущенности. А вы, столь добродетельные, строгие, жестокосердные, – разве ваша жизнь не хаотична? Жизнь, как я уже не раз говорил, есть процесс роста. Поэтому, переступив границы добродетели, она никогда не удовлетворится распущенностью. Если вы воображаете, что отказ от морали знаменует собой распущенность, попробуйте сами от нее отказаться и вы скоро убедитесь, что голос интуиции, или иначе, голос жизни, будет всегда тянуть вас обратно. Установленная вами богословская духовность не имеет ничего общего с жизнью. Прикрываясь ею, вы живете в собственных иллюзиях. Когда же кто-нибудь вам на это указывает, вы становитесь еще более жестокосердными и жестоковыйными и продолжаете упорствовать в своих интеллектуальных нелепостях.

Вопрос: Посетив два предыдущих съезда, и осознав свою цель, я отказался от всякой посторонней помощи в достижении ее, но все же я порой еще ощущаю внутреннюю неуверенность и душевное одиночество, мне даже кажется иногда, что любовь иссякает, но выйти из

этого состояния я не могу, несмотря на все усилия воли. Я стараюсь только на придавать значения подобному настроению и совершенствовать по мере возможности повседневную жизнь. Как мне избавиться от такого состояния, и верный ли я избрал способ? Из беседы мне стало ясно, что многие испытывают то же самое.

– В начале неизбежна стадия, когда ум и сердце подобны пустыне. Но пустота – еще не отрицание. Она необходима при желании освободить место для насаждения истинных ценностей. Если вы одиноки, и любовь ваша иссякла, это доказывает, что вы страдаете, а страдание вызывает в результате любовь и радость и дает толчок к развитию. Поверьте, положение ваше завиднее положения человека, вполне удовлетворенного своим внешним благополучием.

Вопрос: Утверждая, что «эго» соткано из реакций, подразумеваете ли вы то, что мы привыкли называть «эго», то есть жизнь, проявляющуюся через каузальное тело, или же то, что мы привыкли называть личностью?

– На мой взгляд (я говорю «на мой взгляд» только из вежливости, а не потому что я не уверен в правильности моих слов), на мой взгляд эго – это стена, отделяющая людей друг от друга. В физическом ли она теле, или в каузальном – не все ли равно? Не безразлично ли, где она находится и к какому относится плану? Важно разрушить ее. Вы опять-таки прикрываетесь системой. Не понимаю, что с вами делается? Вы утратили всякий контакт с жизнью, с жизненной борьбой, со страданием, со скорбью и так запутались в своих системах, что перестали жалеть обыкновенного, заурядного человека. Вы хотите, чтобы я стал на уровень вашего самодовольства и ваших иллюзий. Вы хотите, чтобы я с вами изучал высоту и глубину эго, а не разрушал бы его. Эго – это только ваши же реакции; чтобы его уничтожить, надо жить в области чистого действия и единства, то есть в вечном. Я знаю, вас это все не интересует. Если б я стал говорить вам о планах, где пребывает эго, или об окраске различных ваших тел, оболочек, вы все насторожились бы и стали бы внимательно меня слушать. Все это ребячество интересует вас гораздо больше. Страждущий человек не нуждается в объяснении страдания; он хочет избавиться от него. Вы боитесь разрешить проблему ваших собственных страданий и избавиться от них, и потому вы довольствуетесь тем, что объясняете их другим.

Вопрос: С помощью одного из так называемых культурных обществ я познал смысл и цель жизни. В известном смысле я научился жить. В накопленном веками знании я почерпнул более широкий взгляд на мир. Я узнал, что братство обнимает и животное царство. Я стал чувствовать себя ответственным за существующий в мире порядок вещей и старался улучшить его. Я пытался лучше жить, так как сознал основы совместной жизни. Должен ли я перестать поддерживать подобную организацию, тем лишая других возможности получить то же знание? Разве объединение в общество и обмен полученным опытом не может стать источником знания?

– Мы опять вернулись к организациям. Я знаю, что вы со мной не согласитесь, но все же прошу вас продумать искренно и серьезно, что из себя представляют ваши организации и общества. Я сказал, что все организации, основанные на вере, не имеют никакой ценности для человека. Но я также сказал, что без организаций, преследующих практические цели, нельзя обойтись. Вы воображаете, что принадлежность к обществам и собраниям для обмена мнениями укрепляет вас в борьбе. Как приятно принадлежать к обществам, все члены которого мыслят одинаково! Если б я, действительно, считал духовные общества полезными, я не распустил бы своей собственной организации. Мы с вами расходимся в том, что вы придаете обществам и организациям какое-то сокровенное духовное значение, а я нет. Сам я ни в каких организациях не состою. Я все их оставил, иначе я не мог поступить. Если вы смотрите на такие общества просто как на информационные бюро, в этом нет никакого вреда, но как только вы рассчитываете на их помощь в духовном развитии, вы попадаете к ним в рабство. Не знаю, почему мне всюду задают этот вопрос? Боюсь что мои совопросники сами принадлежат к обществам и смотрят на мое отношение к ним, как на вызов? Позвольте мне еще раз повторить, что ни

одна организация истины в себе не содержит. Истина обитает в человеке. Она потенциально заключена в вас самих, на какой бы ступени развития вы ни находились, но пока вы состоите в организациях, вы этого не поймете. Господа, одно из двух: или принадлежите организациям, или уходите из них. Но не будем без конца обсуждать один и тот же вопрос. Если вы поймете главную суть, то и все детали станут вам ясны. При непонимании же главной сути моих слов, детали принимают колоссальные размеры.

Вопрос: Раз вселенская жизнь никогда не реагирует, а только действует, то нужно ли жалеть живых и мертвых? Ведь жалость тоже реакция?

– Настоящая жалость входит в чистое действие. Она исходит от самого «Я».

Вопрос: Надо ли направлять желания? Чем они должны руководиться?

– Своей собственной целью. Силою своей же цели желание становится дисциплиной.

Вопрос: Вдохновение, испытанное мною раз во время церковной службы, преобразило все мое существо. Я полюбил все живое, хотел все отдать и сделать мир счастливым. Если я вас правильно понял, все это не имело для меня никакой ценности. Объясните, пожалуйста.

– Вдохновение – пробужденный высший разум, а разум – накопленный опыт. Следовательно, вдохновения извне не существует. Истинное вдохновение можно обрести лишь посредством неустанной бдительной, наблюдательности и собранности, посредством восприятия окружающей вас реальности. Не важно, поэтому, где вы находитесь – в церкви или в саду.

Вопрос: Разве нет возможности быть счастливым на всем протяжении эволюционного пути, а не только после миллионов лет иллюзий и страдания?

– Боюсь, что нет. Как это возможно? Счастье есть завершение жизни, и достичь его можно только посредством опыта. Если вы бедны опытом, вы подвержены тлению и, следовательно, страданию. Таким образом, необходимо пережить свет и мрак, радость и горе. Я знаю, вы скажете: «Вам легко так говорить, вам не пришлось пережить то, что переживают обыкновенные люди». Думая так, вы судите поверхностно.

Вопрос: Разве нет для молодых душ законного пути к счастью?

– Что вы понимаете под законным путем? Счастье птиц или котят? Человек же сознательно несовершенен и в этом его слава. Цель человеческой жизни перейти от несовершенства к сознательному совершенству. И каждый человек должен совершить это сам.

Вопрос: Не является ли счастье нормальным состоянием для тех, кто живет естественно?

– Я не знаю, что вы называете «естественным». Счастье не имеет ничего общего с радостью, удовольствием или распушенностью. Оно – высшая реальность, завершение жизни. Обретается оно путем постоянного отбора, неустанной деятельности и разрушения иллюзий. А все это сопровождается горем и страданием.

Вопрос: Разумно ли стараться научным путем насадить всеобщее счастье?

– Наука может содействовать физическому счастью, но что оно имеет общего с подлинным счастьем?

Вопрос: Пролейте, пожалуйста, свет вашего знания на следующие вопросы: Зачем мы здесь и куда попадаем после смерти? Если перевоплощение не является фактом природы, то как объяснить неравенство среди людей?

– Зачем мы здесь? Затем, чтобы расти: от бессознательного совершенства переходить к сознательному несовершенству, а затем к сознательному совершенству. «Куда мы попадаем после смерти? «Зачем вам хочется это знать? Чем больше вы интересуетесь потусторонней жизнью, тем менее интересуетесь настоящим. Все вы – по крайней мере все те, кто изучал эти вопросы – знаете более или менее, куда попадает душа. Никуда особенно. Для себя душа всегда «здесь». Как бы то ни было, это значения не имеет. Вся беда в том, что вы не интересуетесь серьезно жизнью, ростом. Понимание жизни побеждает смерть. «Если перевоплощение не является фактом природы, то как объяснить неравенство среди людей? «Для большинства людей перевоплощение не факт, а теория. Оно становится реальным фактом только для того,

кто его пережил. В Индии у меня есть приятель, который верит в перевоплощение, как в него верят, я думаю, многие из вас. Он сказал мне как-то: «У меня много жизней впереди и потому не важно, что я делаю теперь». А это именно и важно и, если вы верите в перевоплощение, если оно для вас является фактом, вам следует жить в настоящем с такой сосредоточенной и напряженной энергией, чтобы снова своими поступками теперь же контролировать будущее. Только жизнь ваша покажет вам, является ли перевоплощение реальным фактом. Для меня оно – факт, потому что я знаю его. Для незнающих же это только теория.

Вопрос: Всякий ритуал, как церковный, так и масонский, освобождает энергию. Энергия эта распространяется по миру, способствуя нейтрализации злой кармы и поднятию уровня общего сознания. Надо ли прекратить эту деятельность?

– Уж не вернулись ли мы к средневековью? Откуда вы все это знаете? Вам кто-нибудь об этом рассказал, или вы это знаете по собственному опыту? Вы излучаете энергию, или как вы это там называете, когда вы прекрасны, и этим вы оказываете помощь. Но красота не сознает себя. Она излучается независимо от того, видят ли ее или нет. Так и в данном случае: не заботьтесь о том, кому вы помогаете или не помогаете. Как только вы чувствуете свою красоту, вы перестаете быть красивыми. Но именно это вы и делаете: вы сознательно излучаете энергию, или как вы ее там называете, и, в силу этого, действие ваше искусственно и бесполезно. «Надо ли прекратить эту деятельность? «Я не могу вам этого сказать. Я много раз повторял, что всякого рода церемонии несущественны. Я знаю, вы сочтете меня за узкого фанатика и прочее. Но это неважно.

Вопрос: Некоторые говорят, что вы просто реформатор, пытающийся утвердить определенную точку зрения, и что вы намеренно узко и фанатично относитесь к организациям, церквям и т. п., чтобы достичь своей цели.

– Какой смысл в том, чтобы мне опровергать подобные заявления. Если я фанатик, то сколько бы я это ни отрицал, я все же таковым останусь. Пусть каждый человек сам судит. Каждый из вас, беспристрастно и непредубежденно продумав мои слова, должен сам решить, фанатичны ли они или нет. Только разрешите напомнить вам одно: фанатизм подразумевает отстаивание с преувеличенной силой одной специальной узкой точки зрения. Я же настаиваю на центральном принципе, а это нечто совершенно иное. Вы знаете, что в свое время я также принадлежал к обществам и организациям, я был священником (по праву каждого брамина в Индии), посещал масонские собрания. Словом, чтобы лично убедиться, я проделал все то, что делают другие. Я очень внимательно изучал эти организации, пытаюсь узнать, смогу ли я с их помощью обрести ту основную, самодовлеющую, вечную реальность, которая есть счастье и жизнь. Я прошел через все эти организации, и так как я не нашел в них истины, которой я искал, я все их оставил. А теперь я обрел истину. Я осознал ее, освободив жизнь в себе. Поэтому когда я указываю на ненужность того или другого, слова мои вызваны не фанатизмом и не пренебрежением. Я это утверждаю, потому что организации орудуют только симптомами, а не касаются истинной сути вещей.

Вопрос: Как известно Теософское Общество проповедует и осуществляет братство, занимается сравнительным изучением религий и исследует невидимые миры. Считаете ли вы, что оно не играет никакой роли в духовной жизни?

– Повторяю то, что я сказал вчера, а именно, что информационные бюро нужны, как нужны и книги. Но познать жизнь, которая есть истина, через общества и книги нельзя. Что же касается научного исследования невидимых миров, то для меня оккультизм – просто изучение явлений на высших планах и больше ничего. Изучаемый им мир – все тот же мир феноменальных явлений. Если человек понимает наш, здешний мир, он поймет и все другие миры. Когда я был ребенком, я, как многие сенситивные дети в Индии, видел ангелов, дэвов и т. п. Но способность видеть то, что физическому зрению нормально невидимо, не разрешает еще проблемы страдания, не содействует росту и сознанию полноты жизни.

Вопрос: Мы очень много слышали о братстве совершенных людей, именуемых Учителями, которые посредством особого процесса, связанного с ученичеством, воспитывают людей и способствуют их духовной эволюции. Имеет ли это отношение к истинной эволюции и существуют ли на самом деле Учителя?

– Факт эволюции неоспорим. Но какое дело вам до того, кто находится впереди вас и кто позади? Или бросаете ли вы тень на лицо другого человека? Реальность внутри вас, а не во вне. Внешнее поклонение, как бы оно ни было глубоко, не приведет вас к познанию сокровенной истины. Нельзя с помощью внешних проявлений познать основную реальность жизни. Я говорю о безусловной жизни; об абсолютной, а не об относительной истине. Повторяю, человек всегда поддается искушению уйти от напора жизненной борьбы в область желаний, и в этой области он создает себе иллюзорные верования, под сенью которых он укрывается. Вы ищете убежища в высших мирах, потому что вам кажется, что вам не снести бремени повседневной жизни. Но это трусость. Вы не найдете в мистике разрешения того, в чем ничего мистического нет. Никто не оспаривает разницы в эволюции. Разумеется, цивилизованный человек более развит, чем дикарь. Но горе человеку, поклоняющемуся этим различиям. Я стараюсь их сгладить и разрушить преграды, разделяющие людей. Вопрос о том, существуют ли Учителя и кому вам поклоняться или не поклоняться, меня не касается. В моих глазах все это не имеет ни малейшего значения. Мудрый человек наследует все, как реальное, так и нереальное, но горе ему, если он ими захвачен. Как только вы поймете основной, самодовлеющий принцип, все иллюзии с их опасностями исчезнут. Сосредоточьте все ваши желания на этом основном принципе, тогда вы будете в безопасности.

Вопрос: Если вы восстаете против духовного авторитета, зачем вы сами разъезжаете по всему свету, и читаете лекции, излагая свое учение?

– Очень просто: потому что я этого хочу. Никакого духовного авторитета я этим не утверждаю. Я разъезжаю, потому что хочу это делать, и потому что столько страдания написано на лицах людей.

Вопрос: Если жизнь едина, то почему достижение одного человека не является одновременно достижением всех людей? Или жизнь едина только после достижения?

– Жизнь едина как в высшем, так и в низшем. В высшем содержится все, там оно завершение, итог, сумма всего. В низшем же все содержится только потенциально, а не фактически. Если все мы познаем единую жизнь и осуществим ее, мы не будем отбрасывать тени и создавать иллюзии и страдания. Но человек постигает жизнь, заключенную во всем, только пройдя через иллюзии, только распознав и отбросив их. Как может чужое достижение вселить в вас постижение достигнутого? Я могу только указывать вам на ваши иллюзии, но разрушить их должны вы сами. Как было бы легко, если бы благодаря достижениям одного человека, и другие могли бы достичь. Но тогда пропала бы вся красота жизни. Понимание и счастье одного человека не могут быть переданы другому.

Вопрос: Что можете вы сказать относительно одиночества?

– Одиночество ощущается, когда вы дарите свою любовь одному человеку, а не многим. Оно необходимо для того, чтобы разрушить преграды между людьми. Что происходит, когда вы страдаете? Вы сжимаетесь, становитесь озлобленными, черствыми, циничными и стараетесь забыться, погрузившись в жизненные мелочи. Но смысл горя не в том, чтобы сжаться, а в том, чтобы расти; как только вы сжимаетесь и обособляетесь, в результате появляется новое страдание. Цель жизни в том, чтобы любовь ваша стала всеобъемлющей, чтобы вы дарили ее всем, а не только одному человеку. Познать это можно только пережив со всей интенсивностью личную любовь со всеми ее ограничениями и страданиями. Такая любовь выяснит вам, что жизнь в своем целом едина, а не двойственна. Для человека, постигшего это, уже не может быть одиночества, так как он влюбляется в саму жизнь. Тогда каждое существо становится для него частью этой жизни, и он любит и уважает целое, а не только отдельные единицы.

Вопрос: Слушая вас, меня поражает бесполезность, тщетность идеалов. Разве и они – немущественные темницы? Я заметил, что идеалисты бывают в жизни очень жестоки.

– Происходит это, потому что большинство людей ищут истину в одном определенном направлении. Когда вы поймете, что жизнь есть чистое Бытие, то не будет больше жестокости, равнодушия и эксплуатации. Идеалист, обыкновенно, мертвой хваткой держится одной какой-нибудь идеи. Если б эта идея была всеобъемлющей, все в себе включала и выражала собой всю любовь и весь разум, то носитель ее не мог бы быть жестоким.

Вопрос: В одной из своих поэм вы упоминаете о Будде. Разве вы познали величайшую реальность путем размышления над Буддой?

– Я уже как-то объяснял, что человек творит символы – Будды, Христа или кого-либо еще – и пытается подражать этим типам. Но путем подражания достичь нельзя. Когда я писал эту поэму, моим типом был Будда. Но надо превзойти всякий шаблон. Ни через Будду, ни через Христа, ни через Учителей истину обрести нельзя. Истина выше их. Все они – лишь выражения Жизни. Надо подняться выше личностей, типов и индивидуальных достижений и обрести Истину в чистом Бытии.

Вопрос: Вы часто употребляете выражение: «Другое «Я есмь». Нам оно непонятно; объясните, пожалуйста.

– Рассматривая другого человека, как отдельное существо, как отдельное «Я есмь», вы заблуждаетесь. В высшем смысле слова в жизни нет другого «Я есмь». Поэтому всякое поклонение, отделяющее вас от предмета культа и заставляющее вас искать помощи для вашего роста извне, также иллюзорно. Во вселенной есть одна лишь жизнь, и вы эта жизнь.

Вопрос: Нужно ли, воспитывать детей, охранять их от опасных опытов, или же им надо все самим испытать, чтобы освободиться?

– Пока дети малы, их надо охранять от таких опасных вещей, как, например, огонь. Однако, нельзя заставлять их думать и чувствовать в определенном направлении. Обыкновенно, родители имеют определенное представление о духовном развитии, и они пытаются навязать его детям. И несчастным детям приходится потратить много лет, чтобы от этих представлений освободиться. Поэтому мой совет родителям: освободитесь сами от ограничений, будьте в глубоком контакте с жизнью, с любовью, с мыслью. Тогда вы создадите новое понимание и, следовательно, новую жизнь. В этом – задача индивидуума. Разрешите ее сами, тогда творчество ваше будет носить на себе печать вечности.

Вопрос: Прошлой зимой была ужасная безработица, нужда, промышленный кризис, стачки. Потерпевшим оказывалась общественная помощь, но вряд ли она была справедливо распределена. В будущем году во всей Америке положение может быть не улучшится. Должен ли человек, может быть и немудро реагирующий на все это, все же искать того счастья, о котором вы говорите?

– Не обособленностью обретается счастье. Для того, чтобы помочь, надо самому стараться не усугублять жестокости, алчности и эксплуатации этой чудовищной цивилизации. А это зависит только от самого человека. Когда дерево сохнет и гибнет, мужественный человек сажает новое семя, – самого себя. Отказываясь участвовать в жестокости и эксплуатации, вы боретесь тем самым с ними. Отрицание зла есть в другом смысле утверждение добра. Разрушая, вы творите.

Вопрос: Что такое карма? Придаете ли вы ей другое значение, чем то, которое ей приписывается в индусской философии?

– Обыкновенно считают, что то, что вы посеяли, то и пожнете. Это основная идея кармы, независимо от того, с какой точки зрения ее рассматривать – с христианской, индусской или буддийской. Я же смотрю не карму иначе. Карма – возведение преграды между вами и вашим конечным достижением. Она бессознательный принцип жизни, а не личная воля какого-то божества. Прошу вас, поймите это. Ваша карма такова, какую вы ее сами сделали. Только вы

один можете ею управлять. Последствия ваших поступков либо разрубают преграды и способствуют, следовательно, вашему освобождению, либо, напротив, возводят новые. Поэтому только вы сами и ответственны за них. Сам по себе принцип кармы механичен и бессознателен. Он не имеет ничего общего с личной мстительностью какого-то божества.

Вопрос: Оставляя в стороне посторонние заявления, вы сами не раз утверждали свое единство с жизнью Будды и Христа. Вы говорили о своих достижениях и о своей уверенности в них. Объясните нам, пожалуйста, истинный смысл ваших заявлений.

– Меня не касается то, что говорят про меня другие. Я могу говорить только за себя. Я не раз описывал вам что такое конечное завершение жизни, то есть чистая жизнь, не знающая разделений. Будда и Христос эту жизнь постигли, но потенциально она в каждом человеке. Когда эту жизнь постигаешь, исчезает всякая раздельность и потому в ней не может быть различий, наименований. Слившись с нею, становишься целым, самой жизнью. Христос и Будда – Жизнь, и потенциально каждый человек – жизнь. Я и говорю, что постиг эту Жизнь. Не смущайтесь и не запутывайтесь в названиях.

Вопрос: Раз понимание – та основа, на которой зиждется познание на всех стадиях эволюции, разве нельзя помочь друг другу в обретении такого понимания?

– Я уже не раз говорил, что подлинная мудрость рождается внутри человека путем конфликта, который мы называем опытом. Мудрость – завершение опыта, а опыт может быть лишь свой собственный, а не чужой. Чужая мудрость вносит лишь путаницу.

Вопрос: Вы говорите, что вселенская жизнь действует, но никогда не реагирует. Значит ли это, что освобожденный человек равнодушен к чужому горю? Не реагирует ли он на него еще сильнее, чем человек несвободный?

– Реакция свидетельствует о раздельности. В освобожденном человеке раздельности нет и потому действие его чисто. Он помогает просто фактом своего существования подобно прекрасному цветку, бессознательно излучающему свою красоту.

Вопрос: Вы говорите, что бесполезно только кормить голодных, и что надо изменить цивилизацию, ее мысли и чувства. Почему бы не накормить голодных, раз перемена материальных условий меняет цивилизацию? Восстановление справедливости является, вероятно, отчасти освобождением. Разве в своих усилиях помочь мы не приобретаем опыт?

– Я не сказал, что кормить голодных не надо. Я сказал: «Только кормить голодных», а это нечто совсем иное. Голодные и угнетенные существуют благодаря вам, потому что вы, люди, способствуете их эксплуатации. Потому только когда человек избавится от стремления эксплуатировать других, то есть перестанет искать счастья во внешнем – в деньгах, богатстве, имуществе, церквах, религиях, тогда только он начнет строить мир, где не будет голодных и где люди не будут сидеть в раззолоченных клетках цивилизации.

Вопрос: Как отделаться от неприязни к людям, поступающим низко?

– Следя за тем, чтобы самому никогда не поступать низко. Мы всегда стремимся исправлять людей и привести их к нашей точке зрения. Отсюда чувство презрения и превосходства, являющиеся такими же реакциями, как и симпатии и антипатии. Будьте сами безупречны, тогда вы будете – чистое действие, то есть вы не будете замечать уродства других людей и их проявлений.

Бомбейские беседы (1959–1960)

Беседа первая Свобода

Свобода имеет величайшее значение, но мы ограничиваем ее своей собственной предвзятостью. У нас есть разные умозаключения относительно свободы: что она такое и чем она должна быть. Но свободу нельзя себе представить. Свобода не приходит через деятельность интеллекта, через логическую цепь умозаключений. Она приходит загадочно и неожиданно, она рождается из своего собственного внутреннего состояния. Чтобы достичь свободы, нужен бдительный ум, глубокий и полный энергии, способный к непосредственному осознанию, без процесса постепенного накопления, без представления о цели, которая должна быть со временем достигнута.

Для большей части из нас ум является рабом традиций, обычаев, привычек, ежедневной работы. И без осознания природы его рабства мы не можем понять, что такое свобода. Сознательный ум делового человека становится рабом той работы, которую он выполняет. Мы принимаем это рабство как неизбежность и вертимся в колесе повседневного существования. Можем ли мы жить в этом мире оставаясь свободными, не будучи рабами, без постоянного бремени страха и разочарования, без горя и страдания? Ограниченность нашего ума, нашего мышления делает нас рабами и зона свободы человека становится все уже. Политика, религия, традиции, стремления, желания сужают зону свободы.

Без свободы нет любви, нет творчества, без свободы невозможно найти истину. Чтобы быть свободным, мы должны понимать самих себя, осознать движение своих мыслей и чувств, пути своего ума. Речь идет о понимании ума, и в этом понимании нет места ни осуждению, не действию по заранее определенному образцу. Вы просто наблюдаете, а не оправдываете неизбежность рабской жизни. Важно именно наблюдать свой ум без осуждения; просто смотреть на него, следить за ним, осознавая тот факт, что ум является рабом и ничем более, потому что это осознание освобождает энергию, разрушающую рабство ума. Вы не можете осознавать, если не ставите перед собой правильного вопроса, а правильный вопрос не имеет ответа, потому что на него не нужен ответ. Неправильные вопросы всегда имеют ответ. Осознающий ум живет, движется, полон энергии; только такой ум может понять, что есть истина. Неправильные вопросы и ответы приводят только к новым страданиям и несчастьям.

Свобода рождается из сознания того, что свобода абсолютно необходима. В тот момент, когда вы осознаете это, вы находитесь в состоянии восстания, вы восстаете против безобразного мира, против традиций, против руководства политического и религиозного. Восстание в рамках ума вскоре сходит на нет, но есть непрекращающееся восстание, которое начинается, когда вы осознаете, что свобода абсолютно необходима.

Мы никогда не путешествуем вглубь самих себя без всякой цели, без преднамеренного расчета извлечь что-то из этих глубин. А как только у вас появляется какая-то цель, вы становитесь рабом этой цели. Вы мысленно стремитесь к изменению, к самоусовершенствованию, которые представляют собой лишь проекцию внешнего узкого ума. Но если ваш ум начнет осознавать необходимость свободы, он развивает энергию, которая будет затем действовать без каких-либо заранее рассчитанных усилий с вашей стороны, направленных на освобождение от рабства.

Открыть индивидуальную свободу очень нелегко, потому что в настоящее время мы не имеем индивидуальности. Мы продукт нашего окружения, нашей культуры; мы продукт пищи, которую потребляем, нашего климата, наших обычаев, наших традиций. И даже когда вы боре-

тесь против этого окружения, ваша борьба не выходит за пределы этой обусловленности. Об индивидуальности можно говорить лишь тогда, когда ум осознает, как узка зона его свободы, когда ум неустанно борется с влиянием политики, с влиянием знаний и практических навыков, с влиянием вашего накапливающегося опыта, который является результатом вашей обусловленности, вашего окружения.

Это осознание того, что есть, обладает своей собственной волей, если возможно вообще использовать здесь слово «воля», не смешивая его с той волей, к которой мы привыкли и которая является продуктом желания. Воля, порождающая усилия и дисциплину, является продуктом желания, она создает конфликт между тем, что есть и тем, что должно быть, между тем, что вы хотите, и тем, чего вы не хотите. Такая воля представляет собой реакцию, сопротивление, она непременно вызывает другие реакции и другие сопротивления. Поэтому свобода никогда не достигается с помощью воли – той воли, которую вы знаете.

Осознание порождает свое собственное действие. Осознание само по себе уже есть действие. Ум осознает также, что он должен быть свободен, потому что только в состоянии свободы вы можете исследовать, вы можете делать открытия. Осознать необходимость освобождения абсолютно необходимо.

Ум является рабом привычек, обычаев, традиций, всех обременяющих его воспоминаний, страха быть рабом своего мужа или жены, своего начальника на работе; такова наша жизнь, и мы видим, как ужасающе она мелочна, удушлива, оскорбительна. Поэтому мы задаем себе вопрос: «Как я могу стать свободным?» А правильный ли это вопрос? Если он правильный, на него не нужно никакого ответа, потому что сама постановка вопроса откроет двери свободы. Если же это неправильный вопрос, вы найдете или, по крайней мере, будете думать, что нашли пути и средства «разрешения» проблемы. Что бы ни предпринимал ум, находящийся в рабстве, он никогда не сможет стать свободным; никакие средства, никакая система или метод не дадут ему свободы. Но если вы осознаете полностью, абсолютно, всецело, что ум должен быть свободным, само это осознание несет в себе действие, которое освобождает ум.

Чрезвычайно важно, чтобы вы поняли это. Понимание является мгновенным. Вы не можете отложить понимание на завтра. Вы не придете к пониманию в результате размышления. Вы либо понимаете в данный момент, либо не понимаете совсем. Понимание имеет место тогда, когда ум не загроможден мотивами, страхами, требованиями ответа. Заметили ли вы, что вопросы, которые ставит жизнь, не имеют ответа? Вы можете задавать вопросы: «В чем смысл жизни?» или «Что происходит после смерти?», или «Как я должен медитировать?», или «Моя работа скучна мне, что я должен делать?». Вы можете спрашивать, но самое главное, как вы спрашиваете. Если вы спрашиваете с целью найти ответ, этот ответ неизменно будет ложным, потому что он окажется проекцией вашего желания, вашего мелкого ума. Состояние ума гораздо важнее, чем сам этот вопрос. Любой вопрос, который задает ум, находящийся в рабстве, и ответ, который он получает, ограничены пределами рабства этого ума. Но ум, который представляет себе весь объем этого рабства, подойдет к проблеме совершенно иначе. Об этом совершенно ином подходе и идет речь.

Но большинство из нас предпочитает быть рабами, это менее беспокойно, более респектабельно и уютно. В рабстве мало опасности, и это именно то, чего мы хотим: безопасность, уверенность, жизнь без серьезных беспокойств.

Но жизнь стучится в нашу дверь и приносит страдания. Мы переживаем крушение надежд, несчастья, и в конечном итоге у нас нет никакой уверенности, ибо все постоянно меняется. Все человеческие взаимоотношения имеют конец, но мы хотим постоянных взаимоотношений. Таким образом, жизнь – это одно, а то, что мы хотим – совсем другое. Возникает конфликт между тем, чего мы хотим, и тем, что есть в жизни. Наши жизненные конфликты, противоречия и борьба происходят на очень поверхностном уровне; наши мелочные вопросы, основанные на страхе и тревоге, неизбежно приводят к таким же поверхностным ответам.

Зона свободы человека сужается с каждым днем. Политические деятели, вожди, священники, газеты, книги, которые вы читаете, которые вы приобретаете, верования, за которые вы цепляетесь, – все это делает зону свободы все уже и уже. Как же все-таки ум может достигнуть этой свободы?

Если этот вопрос задает другой человек, то это не имеет никакого значения, вы должны спросить об этом сами, безотлагательно и настойчиво. Если вы осознаете ход этого процесса, если вы действительно осознаете поверхностность вашего ума, его увеличивающееся рабство, тогда вы увидите, что осознание порождает энергию; энергия, рожденная из осознания, разобьет мелочный ум, респектабельный ум, для которого храм является прибежищем, ум, исполненный страха.

Осознание – это путь истины. Осознавать что-либо – это изумительное переживание.

Когда вы смотрите на цветок, вы немедленно называете его и говорите: «Какой он красивый, я хотел бы иметь его в своем саду, я хотел бы подарить его своей жене или продеть в петлицу пиджака», и т. д. Другими словами, когда вы смотрите на цветок, ваш ум начинает болтать о нем, поэтому вы никогда не осознаете цветка. Вы можете осознавать что-либо только когда ваш ум молчит, а не болтает. Если вы можете смотреть на вечернюю зарю над морем, и ум ваш будет неподвижен, тогда вы действительно осознаете ее необыкновенную красоту; а когда вы осознаете красоту, разве вы не испытываете также состояния любви? Без сомнения, красота и любовь – одно и то же. Без любви нет красоты, а без красоты нет любви. Если нет любви, поведение человека опустошается, превращается в пустой механический, безжизненный продукт данного общества, данной культуры. Но когда ум осознает в полной неподвижности, тогда он может заглянуть во все глубины самого себя. Такое осознание является истинно вневременным. Чтобы достичь его, мы не должны что-то предпринимать, нет такой дисциплины, практики, метода, с помощью которых вы могли бы научиться осознанию. Ум не делает усилий, поэтому он не знает границы, рубежа, предела своему осознанию. Тогда жизнь перестает быть процессом, исполненным горя, борьбы невыразимой скуки. Жизнь становится вечным движением, без начала и без конца. Но для того, чтобы познать это вневременное состояние со всей его глубиной и освобождающим восторгом, нужно начать с понимания рабства вашего ума. Если вы не поймете рабства вашего ума, вы не будете свободным.

Если вы осознаете, что ваш ум узкий, ограниченный, рабский, мелочный, если вы осознаете это без выбора – тогда вы находитесь в состоянии осознания, и это осознание приносит с собой энергию, необходимую для освобождения ума от рабства. Тогда ум больше не имеет центра, из которого он действует. Если есть центр, то есть и периферия. Действовать исходя из центра, противоположного периферии, это рабство. Но когда ум, осознавая свой центр, воспринимает природу этого центра, одного такого осознания совершенно достаточно. Осознавать природу центра – это самое большое, что вы можете сделать; это величайшее действие, возможное для ума. Но для этого нужно все ваше внимание. Когда вы любите без какого-либо мотива, без какой-либо потребности, такая любовь приносит свои результаты, у такой любви свой путь, своя красота. Осознание требует полного внимания, когда вы отдаете чему-либо весь ваш ум, все ваше сердце, все ваше существо, проблемы не возникают. Проблемы и несчастья нашей жизни создаются частичным вниманием, в котором нет полной самоотдачи.

Беседа вторая

Ум

Для того, чтобы внести ясность в мир, должна быть прежде всего внутренняя ясность. Нас улавливают конфликты разных типов, разных степеней, на разной глубине. Некоторые конфликты очень поверхностны, механичны и легко разрешимы, в то время как другие гораздо глубже и почти неизмеримо глубоки. Эти скрытые конфликты вызывают искаженные действия,

которые в свою очередь создают много несчастий и горя, создают все увеличивающееся число проблем, стоящих перед нами в повседневной жизни. Не отгораживайтесь от этих проблем, не говорите себе: «Это меня не касается». Это касается вас в потрясающей степени. Быть может, вы хотите, чтобы это вас не касалось, быть может, вы не хотите думать об этом, но долг каждого человека – знать всю проблему, стоящую перед ним, человечеством, во всей ее полноте, ибо мы ответственны за все, что происходит в мире, где бы ни происходили события. Мы, люди, тесно связаны друг с другом, и все что случается в любой точке земного шара, воздействует на нас.

Но прежде, чем идти дальше, важно понять один центральный вопрос: что цель и средство – одно и то же. С помощью любого средства вы не можете достичь отличной от него цели. Чтобы стать инженером, ученым, химиком и т. д., имеются определенные средства, и применение этих средств является правильным. Использование средств для достижения цели развивает механическое отношение к жизни и связано с эффективностью. Эффективный ум в мире техники, механики, науки необходим, но в мире Духа – это тиран. Ваши учителя, ваши книги все тираничны, потому что они требуют достижения цели с помощью средств. Средства ухудшают вас, и вы становитесь рабами. Свободы нельзя достичь с помощью средств. Если целью является свобода, бессмысленно пытаться достичь ее с помощью рабства. Если не является свободным первый шаг на пути к свободе, не будет свободы и в конце пути. Говорить, что пройдя через рабство, вы в конце концов станете свободным, – это старая и хорошо известная игра политических деятелей, учителей и йогов.

Это очень важный вопрос и здесь нужна полная ясность. То, что я раскрываю вам, не может быть понятно механистичным умам. Если вы привыкли к системе и пришли сюда, чтобы заменить старую систему новой, вы будете разочарованы, потому что я не предлагаю вам никакой системы, никакого метода, никакой цели. Наша совместная задача – раскрыть тайны ума, сделать новые и новые открытия. Но открытия возможны тогда, когда ум свободен и именно поэтому свобода так важна. Вы не можете делать открытия даже в самых обычных вещах, вы не можете видеть красоту, очарование формы и цвета, новизну знакомых вещей, если вы смотрите на них взором, скованным привычкой. Открытие заключено в самом разворачивании проблемы, но в момент, когда вы начинаете накапливать то, что открыто, вы перестаете делать открытия. Открытие или понимание нового невозможно для накапливающего механистичного ума.

Вам приходилось слышать, как кричат вороны? Какой ужасный шум они производят, рассаживаясь на ночь по деревьям! Слушали ли вы когда-нибудь этот шум, вслушивались ли вы в него на самом деле? Я позволю себе усомниться в этом. По всей вероятности вы отгораживались от него, говоря себе, что это ужасный шум, и он вам мешает. Но если вы способны слушать, для вас не будет различия между шумом и человеческой речью, потому что подлинное внимание предполагает ясность и полноту охвата, без какой-либо исключительности.

Я собираюсь затронуть проблему внутреннего противоречия. Почему существуют внутренние противоречия, и должны ли мы постоянно выносить их? Или же есть возможность их понимания и выхода за их пределы?

Внутреннее противоречие связано с усилием. Вся наша жизнь основана на усилии. Со школьной скамьи до самой смерти мы непрерывно делаем усилия и боремся, и боремся, и боремся.

Я считаю такую жизнь совершенно бесполезной, тщетной, не заслуживающей названия жизни. Не говорите: «Усилие и конфликт неизбежны, они составляют часть человеческой природы»; если вы говорите это – вы перестали слушать, вы перестали спрашивать. Не принимайте слепо ничего – ни того, что я говорю сейчас, и вообще ничего на свете, потому что жизнь не имеет ничего общего с простым принятием или отрицанием. Жизнь нужно жить, ее нужно чувствовать и понимать. Если вы просто принимаете или отрицаете, вы забаррикадировали свой ум, вы перестали чувствовать, жить.

Когда вас спрашивают, почему вы должны делать усилия, вы отвечаете: «Если я не буду делать усилия, общество разорвет меня на части. Если я не подчинюсь дисциплине, я потеряю свое место». и т. д. Всю свою жизнь вы делаете усилия и никогда не спрашиваете себя «почему?», а в конце концов после многих лет усилий и борьбы что вы представляете собой? Бесплезное существо, иссушенное, лишенное трудоспособности, не имеющее никакой цены. Итак, в чем же причина неустанных усилий, которые вы делаете?

Когда вы спрашиваете о причине, одного лишь словесного определения, которое является формой умозаключения, недостаточно. Вы должны его прочувствовать. Есть интеллект и есть чистое чувство любви, благородные эмоции. Интеллект рассуждает, рассчитывает, взвешивает, уравнивает. Он спрашивает: «Какую это имеет ценность? Даст ли мне это выгоду?» С другой стороны, есть чистое чувство – необыкновенное чувство, возникающее при виде неба, вашего соседа, вашей жены или мужа, вашего ребенка, красоты дерева, всего необъятного мира и т. д. Когда интеллект соединяют с чувством – это смерть. Понятно ли вам это? Когда чистое чувство искажается интеллектом, возникает посредственность. Именно так и поступает большинство из нас. Наша жизнь является посредственной потому, что мы всегда рассчитываем, спрашиваем себя, какую выгоду мы извлечем, какую это имеет ценность, и не только в мире денег, но и в так называемом духовном мире: «Если я сделаю это, получу ли я то?»

Итак, в чем же причина усилий, которые мы непрерывно делаем? Без сомнения, этой причиной является внутреннее противоречие. Имеются противоречия в нашем мышлении, в нашей жизни, в самом нашем существовании, а там, где есть противоречие, неизбежно возникает усилие – усилие быть чем-то. Противоречия существуют как в малых, так и в больших вещах. Различные наши желания противоречивы; имеются противоречия между тем, что, как я считаю, я должен из себя представлять. Это противоречие усиливается нашими идеалами. Если имеется идеал, внутреннее противоречие неизбежно. Пока есть внутреннее противоречие, всякое действие оказывается искаженным. Так называемые «хорошие» поступки являются злом, если их производить в неправильном направлении, а «хорошие» действия ума, находящегося в противоречии с самим собой, неизбежно ведут к несчастью. Внутреннее противоречие существует потому, что мы хотим чего-либо или стать кем-либо. Не говорите: «В таком случае я не должен становиться кем-либо!», проблема не в этом. Нужно просто видеть, что связано с вашим становлением – этого совершенно достаточно.

Пока внутри вас есть противоречие, вы никогда не создадите мира, в котором люди будут счастливы. Все ваши вожди и учителя воспитаны в этой традиции становления, их ум буквально кишит внутренними противоречиями; поэтому все добро, которое они могут сделать, в конечном счете даст плоды зла. То, что я говорю, может быть, не понравится вам, но таковы факты.

Внутреннее противоречие вызывает к жизни действие, и в этом состоянии внутреннего противоречия вы действуете с чрезвычайной энергией, и общество, которое также находится в состоянии внутреннего противоречия, одобряет ваши действия. Вы не нравитесь себе таким, как вы есть, потому вы хотите стать другим, чем вы есть в соответствии с вашим идеалом.

Не спрашивайте: «Как же избавиться от внутренних противоречий?» – это в высшей степени глупый вопрос. Вы должны только видеть, что вы целиком уловлены внутренним противоречием. Этого совершенно достаточно, потому что в тот момент когда вы полностью осознаете противоречие внутри вас, это осознание порождает энергию, освобождающую от противоречий. Осознание действительности, подобно осознанию опасности, порождает свою собственную энергию, которая, в свою очередь, вызывает к жизни действие без противоречия.

Как возможно понять противоречие – именно понять, а не превзойти, подавить или сублимировать? Если вы хотите понять что-либо, в вашем сердце должна быть любовь, терпение,

настойчивость, благожелательность, симпатия. Вооружившись этими качествами, попробуем понять, что такое сознание.

Сознание, без сомнения, основано на противоречии, оно представляет собой процесс соотнесения и образования ассоциаций. Без соотнесения сознание не существует. Соотнесение идей, ассоциаций накопленного опыта, сознательно или бессознательно приобретенных воспоминаний, расовых инстинктов, унаследованных традиций, бесчисленных влияний, которым мы подвержены, – все это составляет сознание с его нескончаемыми усилиями, которые определяют границы ума; это путь мысли, создающий центр и периферию. Противоречия и возникающие с ними усилия ограничивают ум, и это ограниченное сознание образует «Я» – «я» инженера, «я» изобретателя, учителя, бизнесмена, «я», связанное с мыслью, опытом, сознанием.

Связывающий нас опыт, влияния, традиции могут быть осознанными либо проявляться бессознательно. Большинство из нас, вероятно, не знает всех связывающих нас влияний, и если вы начнете изучать самого себя, неизбежно увидите, что ваши сознательные и бессознательные конфликты, вызывающие сны и различные психологические состояния, являются результатом глубокого внутреннего противоречия.

Внутреннее противоречие не способствует пониманию, оно порождает только хитрость, помогает приспособляться к окружению. Именно к этому и стремится большинство из нас. Действие, порождаемое внутренним противоречием, как бы заманчиво оно ни выглядело на поверхности, в конечном счете ведет к несчастью. На поверхности вы можете делать добро, но в конечном счете вы только усугубляете несчастья.

Если вы видите, что всякое действие, рожденное внутренним противоречием и связанной с ним напряженностью, неизбежно приводит к несчастьям человека в его отношениях с окружающим миром, вы начинаете спрашивать: «Что же в таком случае представляет собой разумное существо, его действие? Если такое действие существует, какова же его природа?» Это движение, не разделенное на идею и действие. Когда вы чувствуете что-либо очень сильно, вы действуете не рассчитывая, без хитрых доводов интеллекта, без размышлений о том, насколько опасно действие. Из этого чистого чувства рождается действие, не являющееся внутренне противоречивым.

Когда вы любите что-либо всем своим существом, – внутреннего противоречия нет. Но большинство из нас не знает этой полноты любви. Мы делим любовь на плотскую и духовную, святую и нечестивую, мы не знаем любви как цельного чувства, как любви полноты бытия, которая не от прошлого и не от будущего, которая не заинтересована в собственной непрерывности. Это чувство всеобъемлюще, у него нет пределов, нет границ, и это чувство и является действием, свободным от внутреннего противоречия. Не спрашивайте: «Как я могу достичь его?» Это не идеал, не вещь, которую вы должны приобрести, не цель, к которой вы должны стремиться. Если любовь становится для вас идеалом, выбросьте ее прочь, потому что новый идеал внесет в вашу жизнь еще больше противоречия. У вас и без того достаточно идеалов, достаточно несчастий – не прибавляйте еще одного. Мы говорим о чем-то совершенно ином: об освобождении ума от всех идеалов, и тем самым от всякого противоречия. Если вы видите истину моих слов, этого совершенно достаточно.

Понимание не является ни вашим, ни моим достоянием, его нельзя найти с помощью какой-либо книги – оно анонимно. Когда ум слушает, не принимая и не отрицая, не сравнивая и не оценивая, когда ум моментально раскрывает истину всего происходящего, ум находится в состоянии понимания, это понимание совершенно анонимно. Все великое анонимно. Истина также анонимна, и вы должны быть в состоянии анонимности, если хотите, чтобы она к вам пришла. Всякое творчество анонимно – всякое истинное творчество, создающее нечто на пустом месте.

Мышление, основанное на опыте, вызывает внутреннее противоречие. Что означает слово «опыт»? Имеется вызов и реакция, реакция на вызов – это опыт, который становится памятью. Такая память рождает мысль, говорящую: «Это правильно, а то неправильно», «Это хорошо, а то плохо», «Это я должен делать, а то я не должен делать» и т. д. До тех пор, пока ум представляет собой такой осадок опыта, пока существует мысль, коренящаяся в памяти, внутреннее противоречие неизбежно.

Это очень трудно понять, потому что для большинства из нас жизнь основана на опыте. Мы движемся от одного опыта к другому, и каждый опыт, накапливаемый в виде памяти, обуславливает и формирует наш будущий опыт. Но имеется состояние ума, порождающее всеобъемлющее действие, когда идея не существует отдельно от действия, нет приспособления действия к идее. Если вы действительно начинаете исследовать это состояние понимания, вы сами откроете изумительную полноту, всеобъемлемость, цельность ума, не имеющего прошлого и будущего, такое состояние неизбежно влечет за собой действие. Сама жизнь становится действием без противоречия, с необыкновенным чувством блаженства, со спокойствием, которое неповторимо и не может быть достигнуто через подражание или изучение чужого опыта. Это спокойствие приходит загадочно, окутанное покровом тайны, вы не должны просить, чтобы оно пришло. Оно приходит, только когда вы очень глубоко проникли в самого себя и вырвали корни всех ваших условностей, обычаев, методов, идеалов и предрассудков. Лишь тогда вы найдете любовь и вместе с тем полную свободу от зла, а также от добра, потому что добро и зло являются разновидностями рабства. Свободна только любовь.

Беседа третья

Знание, опыт, смирение

Сегодня я хочу говорить о знании, опыте и смирении. Но прежде чем углубиться в эти вопросы, я считаю важным исследовать природу смирения. Смирение, о котором я говорю, не является чем-то приобретенным или достигнутым или культивируемым. Добродетель, за которую борются, которая культивируется, накапливается постепенно, перестает быть добродетелью. Это важно понять. Либо у вас нет жадности и зависти, либо у вас они есть; если вы жадны, завистливы, вы не можете культивировать отсутствие жадности и зависти. Мы думаем о смирении как о качестве, которое должно быть постепенно приобретено, и из-за этого мы совершенно не понимаем очень простой и в то же время необыкновенно глубокой природы смирения, а без смирения мы не можем идти дальше.

Состояние смирения необходимо для всякого исследования. Это «всеохватывающее» чувство без центра, из которого ум может сказать: «Я смиренен». Человек, который путем стремления к чему-то намерен освободиться от какой-либо проблемы, не находится в состоянии смирения. Смирение имеется только тогда, когда ум хочет ясно видеть проблему независимо от того, что принесет ее исследование. Такой ум действительно исследует. Он хочет знать вещи такими, какими они есть, без жажды переделать, подчинить или сублимировать то, что он видит. Только такой ум находится в состоянии смирения.

Я прошу вас слушать то, что я думаю вслух, с чувством свободы, без усилия. В тот момент, когда вы делаете усилие слушать, вы перестаете слушать. Вы действительно слушаете, только когда у вас есть чувство свободы, достаточная уравновешенность души и тела, состояние ненапряженного внимания. В этом состоянии ненапряженного внимания ум сможет понять гораздо больше, он осознает более глубокие и тонкие вещи, чем говоря себе: «Я хочу понять и для этого я должен произвести усилие», – что, как можно опасаться, делает большинство людей.

Я прошу вас слушать с любовью и сознанием собственной свободы, я прошу вас исследовать с ненапряженным вниманием, потому что вы ничего не «приобретете» от меня. Я не

собираюсь что-либо вам давать; если вы пришли сюда с намерением приобрести что-либо, вы даром тратите свое время. Если имеется тот, кто дает, и тот, кто получает, – оба они далеки от состояния смирения. Чтобы уяснить природу смирения, чтобы осознать это необыкновенное чувство, вы должны понять ваше упорное стремление освободиться от своих проблем, разрешить их. Этого хочет большинство из вас, не правда ли? Мы хотим разрешить наши проблемы, убежать от повседневных несчастий, конфликтов, борьбы, от мелочности, безобразности, грубости и мимолетных радостей нашего обыденного существования; мы все время порываемся бежать куда-то. Именно поэтому мы следуем за нашими вождями, присоединяемся к различным организациям, переходим от одного учителя к другому, надеясь найти средства преодоления тревоги, нашего страха, нашего недостатка любви.

У всех нас есть свои проблемы, от которых мы не можем уйти, и с течением времени тяжесть этих проблем не уменьшается, а становится все больше и больше. Подавляющее бремя так называемой цивилизации разрушает нашу способность к самостоятельному мышлению. Мы потеряли ту простоту, с которой необходимо приближаться к бесчисленным проблемам, стоящим перед нами. Ум желает превзойти или разрушить свои проблемы – проблемы жадности, зависти, лживости, ревности, лени, страха и т. д., ум активно ищет путь, метод, систему для достижения этой цели. Именно такая устремленность ума уничтожает смирение.

Там, где есть усилие – усилие для изменения, трансформации самого себя, – там нет смирения, там неизбежно появляется тщеславие. У вас возникает мысль о том, что вы изменились, достигли цели, вышли за пределы проблемы, и все это дает вам сознание вашей важности. Поэтому вы никогда не чувствуете подлинной природы смирения.

Нужно только смотреть на проблему, просто смотреть на нее и ознакомиться со всеми ее сторонами. Если вы изучите проблему, как бы она ни была болезненна и безобразна, если вы смотрите на нее, двигаетесь в ней, живете с ней, и – это не пустая фраза – обнимаете ее, если вы делаете проблему близкой сердцу, тогда вы обнаружите, что находитесь в состоянии смирения; и сама проблема становится тогда совершенно иной, нежели она была раньше. Избавиться от всякого стремления к изменению, от всякого усилия – это не состояние отрицания и также не состояние утверждения. Вы просто исследуете.

Большинство из нас завистливы. Проблема зависти очень сложна. Зависть связана с непрекращающейся борьбой, сопоставлением, состязанием, обостряющим волю, стремлением к достижению, выходу за пределы проблемы. Это и есть утверждающее действие, которое поощряется нашей культурой. В конечном счете жажда славы основана на зависти. Завидуя, вы страдаете, вы чувствуете разочарование, тревогу, страх, вы пытаетесь освободиться от зависти, и таким образом, неизбежно возникает конфликт. Такой ум не находится в состоянии смирения.

Когда ум знает, что он завистлив, когда ум не уклоняется от признания этого факта, не обманывает себя, не занимает лицемерной позиции, но просто говорит: «Да, это так, я завистлив», – простое признание факта несет с собой собственное действие. Но признание факта не то же самое, что его принятие. Когда вы признаете факт, у вас нет никаких сомнений. Когда вы просто принимаете его, всегда есть возможность неприятия. Итак, если вы осознаете тот факт, что вы завистливы, тогда само это признание, само самокритичное осознание вызывает действие, не являющееся действием воли. Такое действие проистекает из состояния смирения, такое действие не связано с накоплением. В тот момент, когда вы начинаете накапливать отсутствие зависти, ваш ум больше не находится в состоянии смирения, а только в состоянии смирения вы можете узнавать новое.

Если вы поняли проблему смирения, я хотел бы перейти к проблеме знания, к необыкновенному явлению, называемому опытом, и к еще более сложной проблеме времени. Я прошу вас слушать свободно, без напряжения, слушать самих себя, а это трудное искусство. Только чистый ум способен осознать истину, а ум, отягощенный опытом – это мертвый ум. Может

ли такой ум растворить или стереть свой прошлый опыт и родиться заново – таков вопрос, которым мы сейчас займемся.

У всех нас есть опыт. Мы испытываем раздражение, ревность, гнев, ненависть, неистовство и т. п. Испытав чувство гнева, например, ум накапливает осадок этого опыта, и этот осадок остается, окрашивая весь последующий опыт. Ваш ум упивается лестью, он восхищен, когда кто-либо говорит вам, что вы великолепны, и чувство удовольствия, вызванное льстивыми словами, представляет опыт, который остается в вашем уме.

Итак, опыт оставляет след в уме, этот след является памятью. Имеется необходимая память, как например, знания в области механики и техники, и имеется психологическая память, основанная на желании человека иметь важное значение, быть чем-то. Опыт представляет собой накопление знания о внешних и внутренних вещах. Я прошу вас понаблюдать за своим умом. Я только описываю, и если вы только слушаете описание, вы не живете. Всякое описание светит отраженным светом, вы живете по-настоящему, когда сами делаете открытие. Голодный человек не может жить на описаниях пищи, как бы ни были они прекрасны и соблазнительны. Итак, вы слушаете не меня, а самих себя. Вы сами наблюдаете, как осадок опыта уродует ум.

Если вы живете удовольствием от лести или негодованием от оскорбления, то ваш ум, без сомнения, туп и изуродован. Ваш ум не имеет свежести, чтобы смотреть и исследовать. Вы проходите через жизнь, накапливая впечатления, следы, шрамы, приятные и болезненные, которые остаются в уме в виде опыта, становящегося знанием. Опыт, становящийся знанием, мешает ясности.

Характер нельзя отождествлять с упрямой приверженностью опыту, становящемуся знанием. О характере можно говорить только когда ум, полностью осознавая накопленный опыт, свободен от него и поэтому способен к ясности. Только ум, обладающий ясностью, имеет подлинную индивидуальность. Знание на определенном уровне абсолютно необходимо: я должен знать, где я живу, как выполнять работу, я должен узнавать свою жену и т. п. Но знание на другом уровне мешает движению познания.

Итак, что же такое познание и что такое знание? О чем идет речь, когда мы говорим, что знаем нечто? Действительно ли мы знаем, или же нам говорят об этом, и затем мы верим, что знаем, в то, о чем нам сказано? «Знать» – очень интересное слово. Как вы приобретаете знания и что вы знаете? Я прошу вас задать себе этот вопрос так же, как я задал его себе. Все, что человек знает, основано на опыте, и потому ум обуславливается знанием, ибо всякий опыт представляет обуславливания. У вас есть какой-то опыт, вы испытываете какое-то страдание или удовольствие, оставляющее след в вашем уме, и с этим обусловленным умом вы встречаете новый вызов. Другими словами, вы переводите этот вызов в термины собственной ограниченности, трансформируете его в свете своего прошлого опыта и тем самым еще более обуславливаете ваш ум. Если вы понаблюдаете за своим умом, то увидите, что это факт. Ум может узнавать новое только когда он не приобретает, не накапливает, а находится в непрерывном движении. Ум не может двигаться, не может узнавать новое, будучи обременен приобретенным, накопленным ранее, ибо тогда он находится в статическом состоянии. Познание представляет собой постоянное движение; здесь нет статического состояния, нет фиксированной точки, из которой возникает действие.

Имеется большое различие между слушанием с накоплением и без накопления; это два совершенно разных состояния. Вы слушаете без накопления, только когда вы не переводите услышанное в термины того, что вы слышали раньше. Когда вы слушаете с накоплением и слушаете дальше, исходя из накопленного знания, вы перестали по-настоящему слушать.

Думали ли вы когда-нибудь о природе любви? Любовь – это одно, а накапливать любовь – совершенно другое. Любовь не от времени. Вы не можете сказать: «Я накопил любовь во времени», ибо это бессмысленно. Если вы говорите это, ваша любовь мертва, вы больше не

любите. Состояние любви не от прошлого и не от будущего. Точно также знание – это одно, а движение познания – совершенно другое. Знание связывает, а движение познания не связывает. Знание неразрывно связано со временем, а движение познания вневременно. Если я хочу узнать природу любви, медитации, смерти, я не должен ничего принимать или отрицать. Мой ум находится не в состоянии сомнения, а в состоянии исследования, свободен от времени, т. к. он не накапливает.

Если ум не будет свежим, обновленным, чистым, природа вневременного, природа бессмертия не может быть понята. Я не употребляю сейчас слово «бессмертие» в его обычном смысле. Я использую его, чтобы обозначить чувство неизмеримой бесконечности, чувство, наполняющее ум, освободившийся от границ и пределов. Я не говорю о бессмертии, которого желает мелочный ум, стремящийся жить вечно. Это вовсе не бессмертие – это рабство, порабощенность временем. Я хочу раскрыть природу вневременного бессмертия. Чтобы сделать это, мой ум должен находиться в состоянии исследования, в непрекращающемся движении познания, а не в состоянии омертвевшего знания, кладущего конец дальнейшему познанию. Именно в этом заключен источник несчастья для многих.

Сознательно или бессознательно ум накопил большой опыт; может ли такой ум быть в состоянии чистоты, свободно смотреть, наблюдать, действовать без заднего плана прошлого, рабства перед временем? Является ли для вас это проблемой? Вероятно нет. Но эта проблема непременно встает перед каждым, кто исследует жизнь, потому что все, что мы знаем в жизни – это разочарования и отчаяние и лишь время от времени мимолетные мгновения радости. Хотя иногда мы испытываем прикосновение радости, в целом для большинства из нас жизнь – ужасная вещь, и наши глаза полны слез. Жизнь ставит перед нами вопросы, на которые нет и не может быть ответа; жизнь должна быть заново понята в каждый ее момент. Но мы всегда ищем ответа, и ответ, который мы находим, неизбежно соответствует шаблонам того, что мы называем нашим знанием. А когда рано или поздно обязательно оказывается, что ответ согласно шаблону – вообще не ответ, мы опять впадаем в отчаяние.

Когда ум действительно начинает исследовать все это, он хотя бы чисто интеллектуально видит необходимость быть во вневременном состоянии. Время – это отчаяние, потому что во времени есть только завтра. Это завтра может повторяться сто и более раз, но в конце всего этого процесса нет никакого ответа. Страдание все еще здесь. Поэтому наша жизнь хаотична и нет конца нашим страданиям, сколько бы мы о них не философствовали. Поэтому исследование природы вневременного чрезвычайно полезно и важно.

Время – это накопление опыта, всякое накопление опыта порождает время – переход от прошлого через настоящее к будущему. Время может разрешить технические проблемы, вскоре у нас будут машины для путешествия на Луну и т. п. Но глубокие человеческие проблемы никогда не разрешаются временем, они не могут быть разрешены умом, опирающимся на опыт, умом, порожденным временем. Когда такой ум видит перед собой глухую стену, возникает отчаяние. Но если вы понимаете природу всего этого временного процесса, вы неизбежно начнете исследовать вневременное, вечное, не рассуждать на тему, существует ли вечное и как его достигнуть, что является школярским подходом, но быть в состоянии исследования в движении познания, никогда не говоря: «Я знаю». Человек, говорящий «Я знаю», на самом деле не знает.

Итак, проблема состоит в том, может ли ум быть свободным от всякого накопленного опыта и знания и в то же время не находиться в состоянии амнезии. Вы жили так долго, узнали и приобрели так много, ваш ум стал поверхностным и мелочным, хотя он полон многими вещами, но по существу это пустой ум, и вы продолжаете все так же жить, накапливая все более и более, пока вы не умрете. Видя неизбежность смерти, вы спрашиваете, есть ли что-либо после смерти. Когда вам говорят, что после смерти вы попадете в рай, вас это удовлетворяет, и вы

умираете, надеясь на загробную жизнь, но до самого последнего момента не заглушив голос страдания.

Самое главное – находиться в движении познания, т. е. в состоянии исследования самого себя. Но это требует постоянного внимания – внимания, а не усилия. Быть внимательным – это значит осознавать то, что есть, когда вы гуляете, разговариваете, едете в автобусе, сидите в кино или читаете книгу. Если вы можете быть таким образом внимательны, вы сами откроете для себя движение познания, которое и есть истинное состояние смирения. Тогда вы больше не будете последователем кого-либо или чего-либо и в вашей жизни не будет подражания, заимствования из чужого источника.

В настоящее время вы живете чужими истинами, вы знаете только то, что вам было сказано о боге, о добродетели, почти обо всем в жизни. Вы то, что вы читали, что вы слышали, вы простой оттенок вашей культуры. Вы не знаете ничего кроме вашей работы, ваших влечений и беспокойств. Вы подражаете, вы следуете за кем-либо, у вас есть авторитет, учителя, ваши поддельные боги.

Ум, находящийся в движении познания, пребывает в смирении, которое есть чистота, только чистые знают любовь. Чистый ум есть любовь. Опыт не является учителем. Опыт – учитель достижения, учитель механических вещей так же, как и знание. Но ум, находящийся в движении познания, свободен от знания и поэтому не имеет ни прошлого, ни будущего. Такой ум может принять то, что неизмеримо умом.

Беседа четвертая

Раскрытие энергии

Я хотел бы сегодня говорить о раскрытии энергии в виде желания с его осуществлением и неосуществлением и может быть о том, что находится за пределами ума. Все виды изменений чрезвычайно беспокоят большинство из нас. Мы любим исхоженные пути привычек и обычаев, отклониться от этих путей для нас почти невозможно. Изменения в этих привычках мы делаем под воздействием внешних влияний, мы не изменяемся сами, нас принуждают изменяться. Обстоятельства играют важную роль в изменении наших установок, наших ценностей, нашего поведения. Эта проблема заслуживает тщательного исследования, если мы хотим познать пути нашего мышления. Мы изменяемся под воздействием пропаганды, газет, книг, среды, воспитания, семьи, традиций и общественного мнения, климата, пищи. Мы никогда не свободны от этих влияний, результатом которых мы являемся. Мы продукт окружающей среды. Помоему, не существует хорошего или плохого влияния, всякое влияние является злом, потому что оно обуславливает и поработачивает ум. Наблюдайте за собой и за влияниями, которые оказывает на нас окружающая среда и вы увидите необычайные процессы, происходящие в так называемом свободном уме. Я не думаю, что ум свободен, но ум может осознавать свое обуславливание.

Если мы не поймем влияний, рабами которых мы являемся, мы никогда не сможем разбудить энергию, совершенно необходимую для нас. Осознание этих влияний является частью самого себя. Такое осознание чрезвычайно трудно, потому что влияния часто бывают очень тонкими. Но если вы начнете сознательно, обдуманно, непрерывно задавать себе правильный вопрос, т. е. раскрывать в себе эти различные влияния, тогда ум становится чрезвычайно бдительным.

Прошлое со всей его памятью, психологическими ранами, опытом влияет на настоящее. Настоящее становится переходной точкой от прошлого к будущему, завтра принимает ту или иную форму в зависимости от вчера. Вы отвечаете на вызов настоящего соответственно вашему прошлому, и этот вызов и ответ формирует будущее. Не называйте этот процесс кармой. Карма – это совершенно другое.

Когда мы изменяемся, это обычно происходит из-за принуждения, из-за несчастий, из-за стремления к успеху или вследствие какой-либо другой формы влияния. Вы можете наблюдать такой механический процесс изменения в вашем уме; но «изменение», являющееся результатом влияния, – это вообще не изменение, хотя оно и может дать уму определенную энергию, но когда рано или поздно жизнь преграждает привычные пути проявления энергии, наступает разочарование и отчаяние. Вы порождаете энергию, преследуя свою выгоду, но эта энергия, как бы ловко и искусно вы ее не применяли, всегда действует от центра к периферии. А разве это изменение?

Воздержание от насилия, практика ненасилия, – вовсе не изменение. Ненасилие с наличием мотива все еще является насилием. Совершая в своей жизни один за другим акты насилия, вы говорите: «Я должен практиковать идеал ненасилия». Ненасилие является таким образом проекцией вашего ума, реакцией на насилие. Приняв идеал ненасилия, вы начинаете подчинять себя дисциплине, вы боретесь, чтобы согласовать себя с идеалом, вы проходите через болезненный процесс постоянного приспособления к нему, этот процесс всегда бывает поверхностным, хотя общество и считает, что это одна из форм добродетели. Как странно, не правда ли? Мы хотим, чтобы люди признали нашу добродетель, признали, что мы достигли состояния ненасилия или находимся на пути к этому состоянию. Признание со стороны людей играет исключительную роль в нашей жизни, не правда ли? Вы видите на примере, каким тонким является желание власти.

Все мы должны измениться коренным образом, глубоко, до самого основания, потому что такие, как мы есть, мы не имеем права называть себя настоящими людьми; все мы рабы различных форм влияния. Именно поверхностное мышление создало современное общество с его беспощадностью, с его воинами и так называемыми революциями, с его концентрационными лагерями и диктатурами, со всеми ужасами полицейских государств.

Итак, если вы действительно заняты полным преобразованием человека, вы должны осознать эту проблему влияния, в том числе поиски божественного вдохновения, посещение храмов, чтение священных книг, повторение мантр – всю эту чудовищно безобразную дисциплину, которой вы подчиняете себя, чтобы стать свободным, и которая является отрицанием подлинной свободы. Интеллект крайне поверхностен. Он может изобретать умные теории, доказывать и опровергать, продолжая эту игру неопределенно долго, но он не может произвести изменения, он не может произвести подлинное качественное преобразование ума. Там, где происходит насильственное изменение, внешнее или внутреннее, имеется также стремление к власти, которое в конечном счете приводит к какой-либо форме диктатуры; это стремление к власти порождает свою энергию. Если вы когда-нибудь экспериментировали, пытаясь подчинить своему контролю душу и тело, вы знаете, что полное господство над собой доставляет необыкновенное наслаждение. Такое господство дает острое наслаждение властью – значительно более интенсивное, чем наслаждение властью, связанное с высоким положением в обществе. Мы говорим сейчас о физической власти человека над природой и т. п. Мы обсуждаем психологическую потребность власти.

Энергия, как стремление к власти, ищет своей реализации. Я хочу добиться самореализации через действие, я хочу быть или стать кем-то. Я хочу стать директором или первым учеником, я хочу достичь понимания, я хочу получить ученую степень или лучшую работу, чтобы заработать больше денег – все вы знаете эту игру в приобретательство, которая разыгрывается нами с самим собой, и через которую происходит самореализация.

Если вы понаблюдаете за собой, вы убедитесь, что самореализация – это, в сущности, требование ума, жаждущего власти; когда ум не может добиться самореализации, он чувствует разочарование, чтобы избежать страданий, связанных с разочарованием, ум обращается к какому-либо другому средству самореализации. Если я не преуспеваю в мирской жизни, я стремлюсь стать святым, я преследую мирской успех и т. п. и т. д. Жажда соответствовать опре-

деленному шаблону изменения порождает энергию, дающую чувство власти, которое, в свою очередь, стремится к усилению через реализацию. Эти процессы неминуемо связаны со множеством страданий, ибо человек, стремящийся к самореализации, постоянно живет в страхе неудачи; здесь-то и начинаются несчастья.

Мы никогда не спрашиваем себя, есть ли действительно такая вещь, как самореализация. Однажды вечером человек может увидеть на небе прекрасные облака, и у него появится желание нарисовать их. Но если акт рисования становится для него средством самореализации, то в тот момент он больше не художник. Точно так же у вас может быть желание самореализации через семью, желание оставить после себя сына, носящего ваше имя, вы можете назвать ваше желание любовью, и с вами согласится все уважаемое общество, но на самом деле это не любовь. Это простое стремление продлить свое существование в другой форме.

Изменение без мотива нечто совершенно отличное от всего этого: оно приходит без ваших поисков, как утро превращается в вечер, как тьма превращается в свет. Ум видит разрушительную, развращающую природу стремления к власти с его разочарованиями и несчастьями. Когда ум видит все это, первая его реакция – попытаться убежать в то, что называют космическим сознанием, истиной, богом – вы хорошо знаете эти высокопарные слова. Но это вовсе не изменение. Это просто продолжение всего, что было, его результат, проекция на то, что будет.

Итак, имеется ли путь исследования, который поможет уму быть в состоянии энергии и понимания, в состоянии, являющимся непрерывным изменением, вечным движением без начала и без конца? Я прошу вас, прежде всего понять вопрос, а не думать о том, как достичь этого вечного движения, каким образом захватить вневременность для вашего личного пользования в вашем собственном маленьком доме.

Есть состояние, в котором все добродетели действительно существуют: это состояние внимания. Быть полностью внимательным, значит быть полностью добродетельным, значит жить среди распустившихся цветов добра и красоты. А что вы делаете в настоящее время? Вы находите себе маленький рай, безмятежную заводь в жизненной реке, и там вы двигаетесь, функционируете, «изменяетесь».

Для того, чтобы исследовать проблему внутреннего изменения, вы должны полностью осознать природу власти, ее жажду, имеющуюся у всех нас, и понять, может ли ум осознанно прекратить борьбу за власть без какого-либо мотива. Я говорю о подлинном отречении от мира – не о замене одних богов другими, не о том, чтобы стать отшельником или уйти в монастырь, или переодеться в другие одежды. Подлинное отречение, являющееся внутренней революцией, – это полное прекращение поисков власти, стремления стать значительным, иметь общественное признание; полное отречение фактически означает, что вы входите в новый мир, совершенно вам не известный, где ваш ум не был, где нет его проекций, где нет ни будущего, ни прошлого, а только внимание, исследование и осознание. У осознания нет прошлого, осознание не ведет к накоплению, только с пробуждением осознания возникает энергия, не являющаяся продуктом ума. Не переводите слово «энергия» как Бог, ваши ужасные понятия о Боге не имеют ничего общего с тем, о чем я говорю. Существует энергия, по своей сущности творческая и вечная; если вы не поймете этого, если вы не соприкоснетесь сами с этой энергией, не окунетесь в ее океан, не узнаете ее красоты, все, что вы думаете о Боге, не имеет никакой ценности. Творческая энергия приходит загадочно и таинственно, без того, чтобы ее просили прийти.

Наша жизнь и красота творческой энергии – это совершенно разные вещи. Наша жизнь полна мишуры, поверхностна и пуста. Энергия, которой мы обладаем, ограничена и быстро исчерпывается. Мы живем с ненавистью, ревностью, завистью. Очевидно, мы должны оставить старые пути нашей жизни. Быть добрым без мотива, быть щедрым без расчета, делить с другими все, что у вас есть, давать щедрой рукой, щедрым сердцем и умом, не спрашивая, что вы

получите взамен – мы должны это делать, только такой образ жизни является порядочным и достойным цивилизованного человека; но это не та творческая энергия, о которой идет речь. Иметь добродетели, которые я перечислил, – это все равно, что поддерживать в доме порядок и блестящую чистоту. Порядок и чистота, разумеется, необходимы, но если с их помощью вы надеетесь достичь свободы, свобода никогда не придет. Пусть ваш ум будет честным, бдительным, внимательным без выбора: наблюдайте за каждым движением вашей мысли, осознавайте значение каждого слова, но без какого-либо мотива, импульса или принуждения. Тогда случится необыкновенное: энергия, не принадлежащая вам, снизойдет на вас. В этой энергии вневременное бытие, эта энергия и есть подлинная реальность.

Беседа пятая

Чувствительность ума и медитации

Сегодня я хотел бы говорить о чувствительности ума и о медитации. Но прежде, чем мы перейдем к этим проблемам, мне кажется чрезвычайно важным, чтобы ум был вполне ясным, потому что не будучи ясным, он не может мыслить очень глубоко. Ясность совершенно необходима на любом уровне ума. Если вам не ясен путь к дому, вы можете заблудиться. Если вам не ясны ваши чувства, возникает внутреннее противоречие. Если вы не полностью понимаете пути своего мышления, такой недостаток ясности приводит к иллюзии. Я думаю – иметь действительно ясный ум чрезвычайно трудно, потому что ясность нельзя культивировать, ей нельзя научиться: ясность приходит через внимание, через наблюдение, через осознание.

Ясность, о которой я говорю, является частью чувства прекрасного. Очень немногие чувствительны к красоте – к красоте заката, к красоте лица, к красоте изгиба дерева, листа, трепещущего на ветру, к красоте летящей птицы, к красоте жеста и слова. Я говорю не столько о внешнем выражении, сколько о внутренней структуре красоты. Ясность – это состояние полного бытия так же, как и красота. Красота всеобъемлюща. Точно так же ясность не может быть частичной. Ясность проникает собой весь ум, это чувство полноты существования. Ясность – это простота. Мы судим о простоте по одежде, по внешнему образу жизни. Для меня же простота – это внутреннее состояние бытия без противоречия, без сравнения: это осознание в подходе к любой проблеме. Простота не имеет ничего общего с преследованием ранее установленных целей. Ум, заранее ориентированный в сторону цели, никогда не бывает пустым. Простой ум – это такой ум, который функционирует, думает и чувствует без мотивов. Мотив неизбежно связан с внутренним противоречием. Для меня медитация – не что иное, как освобождение ума от всех мотивов.

Ум – не просто хранилище мыслей, он также и мысли, которые в нем хранятся, и ограничения, наложенные на него временем. Ум – это также чувство отдельности, особенности, это память, способность к испытыванию опыта в виде знания и к сосредоточению опыта в виде знания. Ум – это также время, в том смысле, что ум смотрит как назад, в прошлое, так и вперед, в будущее.

Но, кроме того, ум – это нечто, покрывающее все эти элементы, вместе взятые, нечто, не являющееся просто словом и узнаванием этого слова. Ум напоминает небо, охватывающее все вещи на Земле. Дерево – это не просто листья, цветы, ветви, ствол или корни, это целое, включающее в себя все это. Точно также ум – это целое, поэтому чувствовать целостность ума, осознавать эту целостность – это действительно начало медитации. Если мы не чувствуем целостности ума, мы сводим его к простой машине, чем он и является для большинства из нас.

Для большинства из нас ум – это слово, образ, символ, это процесс наименования из заднего плана памяти, опыта. Научившись выполнять какую-либо работу, мой ум продолжает функционировать автоматически, установив определенные отношения с женой или мужем, с детьми, с обществом, я поддерживаю их без дальнейшей работы мысли. Мои ответы на раз-

личные стимулы являются механическими. Мой ум стремится избежать беспокойств, он не желает спрашивать, не желает состояния неуверенности, поэтому он устанавливает определенный шаблон поведения и мысли, шаблон отношений к людям и к природе, а также к собственности, к вещам. Посмотрите, хотя бы, в каком рабстве находится ум по отношению к словам «Любовь», «Бог», «Индия», «Гита». Ум изобретает символы, становится рабом, в результате символы приобретают гораздо большее значение, чем живая жизнь.

Ум накапливает знания, которые представляют собой символы, слова, и если ум не в состоянии освободиться от символов, от слов, от памяти, которая есть знание, то он никогда не сможет проникнуть в беспредельность внутри самого себя.

Само собой разумеется, что есть вещи, которые мы должны знать и не можем забыть. Мы не можем забыть свой язык, дорогу домой, наши профессиональные знания, достижения науки. Но есть другая часть ума, проецирующая себя во времени, создавая будущее как цель, которая должна быть достигнута. Ум такой, как мы его знаем, есть время; он результат времени, времени как «до» и «после», времени как процесса жизни в прошлом или будущем, что, естественно, препятствует пониманию настоящего. Я не говорю о хронологическом времени, о времени как психологической необходимости для развертывания постоянного процесса достижения, который мы называем эволюцией. Мы говорим, что для понимания нам нужно время, имея в виду будущее.

Жизнь сложна, так же как и ум. Вы должны увидеть перед собой эти проблемы, не будет никакой пользы, если вы просто скажете: «Помогите мне освободиться от работы перед временем». То, что вы безусловно можете сделать – это полностью осознать шаблоны вашего ума и, так сказать, проскользнуть через них к состоянию, не-измеряемому умом, потому что все, что бы ни делал ум для своего освобождения, всегда остается в поле времени. Всякое усилие, производимое умом, еще более ограничивает ум, потому что усилие связано с борьбой для достижения цели. И с таким ограниченным умом, находящимся в рабстве, вы пытаетесь медитировать?

Я прошу вас прежде всего ясно увидеть проблему. Проблема не в том, как и чем медитировать, а способен ли вообще ум к медитации. Нам говорили, что мы должны медитировать, и с помощью медитации мы надеемся достичь результата – счастья, Бога, истины и т. п. Поэтому мы делаем усилие, чтобы медитировать, а там, где есть усилие, есть и элемент времени. Мы говорим: «С помощью дисциплины, с помощью практики, с помощью самоконтроля, через постепенность, разворачивающуюся во времени, я достигну понимания Бога!»

По-моему это совсем не медитация. Это чистый самогипноз, проекция ваших иллюзий и вашего опыта; с помощью такой проекции вы можете иметь видения, но вы не достигнете свободы. Вы слышали, что состояние медитации необычайно прекрасно, что медитация дает человеку внутреннее спокойствие и тишину, поэтому вы контролируете и дисциплинируете свой ум, делая усилие медитировать, в надежде достичь таким образом тишины и спокойствия.

Однако, прежде чем вы сможете достичь этой тишины, прежде чем вы сможете увидеть истину, Бога, вы должны понять ум в состоянии медитации, иначе что бы вы не предпринимали, ваш ум будет по-прежнему находиться в поле своего знания и обусловливания. Вы можете разбудить определенные способности, но все это окажется одной из форм самообмана. Если вам нравится обманывать самого себя, если вы принимаете этот обман, что ж, продолжайте эту игру, отдаваясь ей целиком. Но если вы действительно хотите узнать, что такое медитация, безусловно, вам следует начать не с вопроса, как медитировать, а с исследования, способен ли ум, ставящий эту проблему, понять ее.

Я не знаю, ясно ли вам, насколько механистичен ум. Все, с чем он соприкасается, становится механистическим. Сегодня вечером я вижу что-то новое, и эта новизна становится опытом ума, на завтра этот опыт уже сделается механистическим, потому что я хочу повторить испытанное ощущение, еще раз изведать связанные с ним удовольствия. Я устанавливаю

определенный процесс, метод, с помощью которого я пытаюсь завладеть однажды испытанной новизной, поэтому она становится механистической. Все, с чем соприкасается ум, неизбежно теряет творческий характер и становится механистическим.

Итак, возникает вопрос: может ли ум представить себе природу своих механистических привычек? Может ли он осознавать как факт то, что есть, и не спрашивать, как изменить этот факт, как его уничтожить. Я думаю, что простое осознание действительного факта, осознание того, что есть, приносит с собой ясность.

Это, без сомнения, важно понять, потому что большинство из вас старается уйти от того, что есть, к тому, что должно быть, вследствие чего возникает большое количество проблем и противоречий. Итак, я просто хочу знать, что есть, и это все, ничего больше не требуется. Меня не интересует то, что должно быть. Я хочу знать свой ум таким, как он есть, со всеми его противоречиями, с его ревностью, с его надеждами и отчаянием, с его агрессивностью и завистью, с его способностью к обману. В тот момент, когда я действительно вижу, что есть, имеется ясность – ясность, которая поможет мне проникнуть еще глубже в то, что есть.

Для большинства из нас то, что есть, не представляет интереса, поэтому мы не можем проникнуть в то, что есть. Мы думаем, что имея идеал, мы можем превратить то, что есть, в то, что должно быть, что идеал, то, что должно быть, разбудит в нас способность понять то, что есть. Но я чувствую, что истиной является обратное: способность проникать в то, что есть, приходит, когда мы наблюдаем то, что есть, без какого-либо отвлечения внимания.

Все наше существование проявляется из того, что есть, а не из того, что должно быть. То, что должно быть, идеал, не имеет никакой реальности. Ум должен глубоко проникнуть в то, что есть, а не просто останавливаться на поверхности, говоря: «Такова моя жизнь, таковой и бывает жизнь» и т. д. Жизнь – это необыкновенное явление, которое мы называем прошлым и будущим, но жизнь значительно шире и глубже, она имеет необъятное значение, если ум может войти в нее через настоящее.

Говоря другими словами, всякое испытание опыта обусловлено прошлым опытом. Когда вы наблюдаете, фактически существует только состояние испытывания опыта. Но то, что было испытано, немедленно переводится в память, которая затем обуславливает дальнейшее испытывание. Состояние испытывания опыта обуславливается вашим задним планом со всеми вашими верованиями и предрассудками.

Быть может, вы поймете это, слушая меня, но описание никогда не является реальностью. Реальность – это моментальное видение истины, ибо у истины нет будущего, нет прошлого, у нее нет продолжительности, и в этом ее красота, простота и ясность.

Когда механистический ум исследует, что такое медитация, он хочет привести медитацию в поле известного. В конечном счете – это известное и ничего более. Ум не является неизвестным. И когда ум, который есть известное, пытается открыть неизвестное, он изобретает для этого методы, системы, практические приемы, дисциплину. Ум не может открыть неизвестное. Что он может сделать – это осознать свои собственные процессы, являющиеся процессами известного и ничего больше, он не в состоянии понять или уловить, или почувствовать неизвестное.

Что же в таком случае представляет собой медитация? Медитация имеет величайшее значение, потому что вся жизнь есть медитация – медитация в смысле состояния, в котором границы ума разбиты, в котором нет «Я», нет центра, а поэтому нет периферии. Без медитации жизнь становится крайне поверхностной, механистической. Поэтому медитация необходима, она так же важна, как дыхание. Это значит, что вы должны оставить все, что вы читали и чему вас учили о медитации, потому что в противном случае вы не будете наблюдать, не будете экспериментировать.

Медитация, безусловно, никогда не является процессом концентрации, потому что высочайшая форма мышления – это отрицательное мышление. Положительное мышление разру-

шительно для исследования, для открытия. Я сейчас думаю вслух отрицательно. Творчество приходит через отрицание, отрицание не является противоположностью положительного, это состояние, в котором нет ни положительного, ни отрицательного, как реакция на положительное. Подлинное отрицание – это состояние полной пустоты, только когда ум пуст в этом смысле слова, только тогда возможно творчество. То, что рождается из этой пустоты, есть отрицательное мышление, которое не ограничено ничем положительным или отрицательным со стороны ума.

Итак, концентрация – это не то же самое, что медитация. Если вы понаблюдаете, вы увидите, что концентрация – это форма исключения, а там, где есть исключение, есть мыслитель, который исключает. Мыслитель, тот кто исключает, тот кто концентрируется – вот источник противоречия, потому что он создает центр, от которого возможно отклонение. Концентрация не является путем медитации, это не путь открытия того, что может быть названо неизмеримым. Концентрация предполагает исключение, она предполагает мыслителя, делающего усилие, чтобы сконцентрироваться на чем-то. Но состояние внимания, не являющееся концентрацией, не имеет границ, это отдача всего вашего существа чему-то без какого-либо исключения.

Я прошу вас поэкспериментировать, пока я говорю. Посмотрите, можете ли вы быть в таком состоянии внимания, чтобы функционировал не только ваш ум, а пробудилось бы все ваше существо. Не говорите: «Что вы имеете в виду под существом?». Дело не в словесных определениях. Пусть все ваше внимание будет активным без выбора, это означает, что вы будете слышать шум автобусов и трамваев, что вы услышите тишину. Если все ваше внимание будет активным, вы обнаружите, что вы также слушаете меня с изумительной ясностью и проникновением, но если вы просто концентрируетесь, то имеется исключение и поэтому нет подлинного внимания.

Концентрация – это сужение поля активности ума. Такое сужение может быть очень эффективным для школьника на уроке, но мы говорим обо всем жизненном процессе, поэтому исключительная концентрация на каком-либо частном аспекте делает жизнь мелочной. Если же у вас есть полное внимание, жизнь становится бесконечной и неизмеримой умом.

Вам говорили, что есть разные пути медитации о реальности, о Боге, если вы предпочитаете это слово. Но разве существуют пути, методы, системы, с помощью которых вы можете достичь чего-то живого? Возможно найти путь к статичному, фиксированному, мертвому, но не к живому. Если вы хотите понять вашу жену, вашего соседа, вашего друга, для этого нет «пути», нет системы, с помощью которой можно понять живое человеческое существо. Точно также вы не можете проникнуть к живому, динамичному с помощью какого-либо пути или метода, но вы сводите реальность, Бога к чему-то статичному и затем изобретаете методы для достижения его.

Итак, концентрация не является путем медитации, и нет никаких методов, систем или практических способов, какие могли бы привести вас к реальности. Если вы увидите эту истину – что ни одна система, какой бы она ни была утонченной, какой бы она ни была новой или освященной традицией, не приведет вас к реальности – вы никогда не вступите в это поле иллюзий; и ваш ум снялся с якоря прошлого, поэтому вы находитесь в состоянии медитации.

В медитации находится также проблема неизвестного. Ум, как уже было сказано, представляет собой известное, т. е. то, что уже было испытано. С этой меркой мы пытаемся подойти к неизвестному, но неизвестное, очевидно, никогда не может быть познано известным, известное может знать только то, что оно испытало, чему оно было научено, что оно накопило.

Если я очень хорошо вижу, что мой ум не в состоянии познать неизвестное, наступает абсолютное спокойствие. Если я чувствую, что могу уловить неизвестное с помощью известного, я начинаю производить большой шум, я болтаю, я извергаю, я пытаюсь найти путь к неизвестному. Но если ум поймет свою полную неспособность познать неизвестное, если ум

осознает, что он не может сделать ни шагу навстречу неизвестному, что тогда происходит? Тогда ум погружается в полное молчание. Это не отчаяние: просто ум ничего более не ищет.

Поиски могут быть только от известного к неизвестному, все, что ум может сделать – это осознать, что движение поисков никогда не раскроет неизвестного. Всякое движение, исходящее от известного, все еще находится в поле известного. Это единственное, что я должен осознать, это единственное, что ум должен понять. И тогда без какой-либо стимуляции, без какой-либо цели ум будет молчать. Замечали ли вы, что любовь – это молчание? Так бывает, когда вы держите руку любимого человека, когда вы смотрите с любовью на ребенка, когда вы вбираете в себя красоту вечера. У любви нет ни прошлого, ни будущего, точно так же необыкновенное состояние молчания находится вне времени. Без этого молчания, являющегося полной пустотой, нет творчества. Вы можете обладать большим умом и способностями, но там, где нет творчества, наступает опустошение и упадок. И ваш ум увядает.

Когда ум пребывает в пустоте и молчании, когда ум находится в состоянии полного отрицания, которое не есть отсутствие всякой деятельности, не есть противоположность положительного, но совершенно особое состояние, связанное с прекращением всякого мышления – только тогда приходит то, что не имеет имени.

Беседа шестая

Скорбь, воля, страх

Сегодня я хотел бы, если возможно, говорить с вами о скорби, воле и страхе. Большинство из нас живет в мире мифов, символов, подделок, которые имеют для нас большее значение, чем мир действительности. Мы не понимаем действительного мира нашей повседневной жизни с его несчастьями и борьбой, и поэтому мы пытаемся убежать от него, создавая наш собственный поддельный мир, мир богов, символов, идей и образов. Там, где имеется бегство от действительности в этот поддельный мир, там всегда есть противоречия и скорбь. Если мы хотим быть свободными от скорби, мы безусловно должны понять тот поддельный мир, в который мы постоянно убегаем. Индуист, мусульманин, буддист, христианин – все они имеют свой поддельный мир символов и образов, который улавливает их. Для них символ имеет большее значение, более важен, чем жизнь, символ пускает прочные корни в бессознательном и играет огромную роль в жизни всех, кто принадлежит к той или иной культуре, цивилизации или иной организованной религии. Итак, если мы хотим быть свободными от скорби, я полагаю, прежде всего важно понять поддельный мир, в котором мы живем.

Если вы пойдете по дороге, вы увидите великолепие природы, необыкновенную красоту зеленых полей и открытого неба, вы услышите детский смех. Но, несмотря на все это, скорбь не исчезнет. Это мучения женщины, рожаящей ребенка, скорбь, связанная со смертью, скорбь, когда вы ожидаете чего-либо, и ваши надежды не оправдываются, скорбь национальных бедствий, скорбь от разложения и упадка не только в обществе, но и в отдельном индивидууме. Если вы достаточно глубоко заглянете, вы увидите скорбь в вашем доме: скорбь от того, что вы не можете осуществить желаемое, скорбь, вызванная вашей незначительностью или неспособностью, и различные виды бессознательной скорби.

В жизни есть также смех. Смех очарователен – смеяться без повода, радоваться сердцем без какой-либо причины, любить без поисков вознаграждения. Но такой смех редко приходит к нам. Нас обременяет скорбь: наша жизнь – процесс несчастий и борьбы, непрерывный распад, и мы почти никогда не любим всем своим существом.

Этот печальный процесс мы можем встретить на каждой улице, в каждом доме, в каждом человеческом сердце. Везде несчастья, преходящие радости и постепенное угасание ума, и мы все время ищем выхода. Мы хотим найти решение, средство и метод, который помог бы нам освободиться от бремени страдания, и поэтому мы никогда по-настоящему не смотрим

на скорбь. Мы пытаемся уйти от скорби с помощью мифов, теорий, образов, мы надеемся найти путь освобождения от бремени, которое наложила на нас жизнь, мы надеемся, что волна скорби больше нас не догонит.

Я полагаю, что всем известно все это. Я не сообщаю какихто новых сведений о скорби. Было бы абсурдным, если бы сейчас, слушая меня, вы вдруг попытались бы почувствовать скорбь или наоборот – быть безоблачно веселым, в этом не было бы никакого смысла. Но если вы хоть скольконибудь осознаете поверхностность, мелочность, узость нашей жизни, если вы понаблюдаете за бесконечными конфликтами, неудачами, усилиями, не приносящими ничего кроме разочарований, то вы неизбежно должны испытать скорбь. Вы не можете не знать скорби на какомнибудь уровне – поверхностном или глубоком. Скорбь следует за нами как тень, и мы не можем от нее избавиться. Поэтому я хотел бы, если возможно, говорить с вами о том, как кончается скорбь.

Скорбь имеет конец, но он не достижим с помощью какой-либо системы или метода. Нет скорби, когда имеется осознание того, что есть – пусть это будет факт, что жизнь не осуществила ваших надежд, что ваш брат или сестра мертвы, когда вы знаете факт таким, каков он действительно есть, без интерпретации, без какихлибо мнений о нем, без какой-либо деятельности мысли, без идеалов и суждений – тогда, я полагаю, наступает конец скорби. Однако большинство из нас безуспешно пытается покончить со скорбью с помощью воли, порожденной страхом и недовольством, воли, стремящейся к удовлетворению желания.

Я прошу вас не ограничиваться простым выслушиванием того, что я говорю, но осознавать самих себя, смотрите на свою жизнь, как будто ваше лицо отражено в зеркале. В зеркале вы видите то, что есть – ваше лицо без искажения. Точно также я прошу посмотреть на самих себя, без удовольствия или неудовольствия, без принятия или отрицания того, что вы видите. Просто посмотрите на себя, и вы увидите, что в вашей жизни господствует воля, порожденная страхом.

Страх, воля, скорбь неразрывно связаны, их невозможно отделить друг от друга. «Волей» я называю решимость быть чем-то, решимость, направленную к достижению и становлению, решимость, которая отрицает или принимает.

Воля – результат противоречия желаний. Что мы называем скорбью? Вы видите ребенка со здоровым телом и милым лицом, с лучащимися глазами и счастливой улыбкой. Когда этот ребенок подрастает, его пропускают через машину так называемого воспитания. Его приводят в соответствие со стандартами данного общества и уничтожают при этом радость, наслаждение жизнью. Печально видеть, как это происходит, не правда ли? Печально потерять человека, которого вы любите. Печально понять, что вы отвечали на все вызовы жизни так посредственно. А разве не печально, когда любовь кончается в маленькой заводи огромной реки жизни? Печально также, когда вами движет стремление к успеху, и вы достигаете успеха только для того, чтобы разочароваться в нем. Печально понять, каким незначительным является ум – но не чейнибудь, а именно ваш. Хотя ум может приобрести большое значение, быть очень умным, хитрым, эрудированным, он все же остается крайне поверхностен и пуст, и осознание этого приносит с собой печаль и скорбь.

Но есть еще значительно более глубокая скорбь, которая приходит, когда вы осознаете свое одиночество, изолированность. Вы можете быть среди людей, в толпе, на званом вечере, вы можете разговаривать со своей женой или мужем, но внезапно вы почувствуете неизмеримое одиночество, появляется чувство полной изолированности, несущее с собой скорбь. Имеется также скорбь, связанная с болезнью.

Большинство из нас хочет избежать скорби. Мы не хотим понять скорбь, мы не хотим посмотреть на скорбь, мы не говорим: «Каково значение скорби?» Нас интересует только, как убежать от скорби. Это бегство не является неестественным, это инстинктивное движение желания, но мы считаем его неизбежным, и поэтому бегство от скорби становится для нас

гораздо более важным, чем сам факт скорби. Убегая от скорби, мы улавливаемся мифами, символами, поэтому никогда не пытаемся исследовать, возможен ли конец скорби.

В конце концов жизнь ставит перед нами все новые и новые проблемы. Ежеминутно от жизни исходят вызовы, требования, и если ответ неадекватен, неадекватность ответа вызывает горечь и разочарования. Именно поэтому для большинства из нас стали так важны разные формы бегства.

Если я не могу разрешить свои проблемы здесь, на Земле, что же, я всегда могу надеяться на загробную жизнь. Если я не могу покончить со скорбью, я попытаюсь забыть ее в развлечениях, если мой ум несколько серьезнее, я обращаюсь к книгам, к приобретению знаний. Мы убегаем от скорби также с помощью переедания, непрерывной болтовни, ссор или погружаясь в глубокую меланхолию.

Это все разные способы, как убежать от скорби; они становятся для нас чрезвычайно важными, и мы даже боремся друг с другом из-за некоторых из них – ваша религия и моя религия, ваша идеология и моя идеология, ваш ритуализм и мой ритуализм.

Я прошу вас понаблюдать за собой, а не быть загипнотизированным моими словами. В конечном счете то, что я говорю – это не абстрактная теория, это ваша ежедневная жизнь. Я описываю ее, но я прошу вас не ограничиваться выслушиванием моего описания. Через это описание осознайте себя сами, и вы увидите, что ваша жизнь уловлена различными способами бегства. Поэтому так важно посмотреть на факт, исследовать, понять, глубоко проникнуть в то, что есть, ибо то, что есть – это вне времени, вне будущего. То, что есть – вечно. То, что есть – это жизнь, то, что есть – это смерть, то, что есть – это любовь, без успехов и разочарований. Все эти факты – истинная реальность. Но уму, вскормленному, воспитанному на различных дорогах бегства, необычайно трудно посмотреть на то, что есть, поэтому такой ум посвящает годы изучению символов и мифов, о которых написано столько толстых книг, или погружает в ритуале, в применении какого-либо метода, системы, дисциплины.

Важно наблюдать факт, а не цепляться за различные мнения об этом факте, не говорить только о символе, репрезентирующем факт. Понятно ли вам это? Символ – это слово. Возьмите смерть. Слово «смерть» – символ, используемый для того, чтобы передать все, связанное с данным фактом: страх, скорбь, необычайное чувство одиночества, пустота, умаленность, изолированность, глубокое и не-проходящее разочарование. Все мы знаем слово «смерть», но лишь немногие из нас видят все, что связано с фактом смерти. Мы почти никогда не смотрим в лицо смерти и не понимаем необычайных вещей, связанных с нею. Мы предпочитаем убежать от факта с помощью веры в загробную жизнь, или же мы цепляемся за теорию перевоплощения душ. У нас есть эти успокоительные объяснения, целая груда идей, убеждений и отрицаний, множество связанных с ними символов и мифов. Я прошу вас понаблюдать за собою. Таковы факты.

Так же, как любовь невозможно культивировать, невозможно приобрести с помощью дисциплины, скорбь нельзя уничтожить с помощью бегства, с помощью церемоний и символов, с помощью благотворительной общественной деятельности, с помощью национализма или другим отвратительным способом из числа изобретенных людьми для этой цели. Скорбь нужно понять, а понимание не от времени. Понимание приходит вместе со взрывом, с восстанием, с колоссальным всеохватывающим недовольством. Но ведь мы ищем легкого пути, чтобы заглушить наше недовольство. Мы занимаемся общественной деятельностью, загружаем себя работой, идем в храм, поклоняемся созданным нами идолам, цепляемся за какую-нибудь систему или верование – все это, без сомнения, только убежание, и все это нужно нам, чтобы не смотреть в лицо фактам. Просто смотреть на то, что есть. Это никогда не вызывает скорби. Скорбь никогда не возникает просто от того, что вы видите свое тщеславие. Но в тот момент, когда вы хотите изменить ваше тщеславие во что-то другое, в этот момент начинается борьба, тревога, бедствие, которое в конечном счете приводит к скорби.

Когда вы любите что-либо, только тогда вы действительно внимательны, но как редко вы смотрите глазами любви на все то, что нас окружает. Для того, чтобы осознать значение смерти, нужен своего рода взрыв, который молниеносно сжигает все символы, идеалы, успокоительные верования, и тогда вы смотрите на смерть с полным и всеохватывающим вниманием. Это очень печальный факт, но вы, вероятно, никогда не смотрели на что-либо с полным вниманием, не правда ли? Смотрели ли вы на вашего ребенка с полным вниманием, всем своим существом, т. е. без предубеждения, без одобрения или осуждения, не говоря и не чувствуя: «Это мой ребенок»? – если вы можете это сделать, вы откроете необычайную значимость и красоту ребенка. Тогда больше не будет разделения – вы и ваш ребенок, но не будет и искусственного отождествления с ребенком. Когда вы смотрите на что-либо с полным вниманием, нет места отождествлению, потому что нет места разделению.

Точно также – можете ли вы смотреть на смерть с полным вниманием? Это значит – посмотреть без страха, всем своим существом, и вы увидите, что смерть имеет совсем другое значение. Именно страх заставляет вас спрашивать, что будет после смерти, и страх находит свой ответ в веровании, что после смерти имеется или не имеется продолженность существования. Но когда вы смотрите с полным вниманием на то, что называется смертью, у вас нет печали. В конечном счете, что я чувствую, когда мой сын умер? Я растерян. Он ушел и никогда не вернется. Я чувствую пустоту, одиночество. Он был мой сын, в существование его я вложил все свои надежды на бессмертие, на увековечивание своего «Я», а теперь эти надежды на продолженность существования разбиты, и я чувствую себя совершенно несчастным. Поэтому я так ненавижу смерть, это ужасная вещь, от которой нужно как-то отгородиться, потому что она раскрывает мне, что я собой представляю. Я отгораживаюсь от смерти через верования, через различные формы убегания, поэтому страх продолжается, а от страха рождается скорбь.

Итак, скорбь не кончается через какое-либо действие воли. Как я уже говорил, скорбь может окончиться только тогда, когда вы порвете со всем, что ум изобрел для того, чтобы убежать от скорби. Вы полностью оставляете все символы, мифы, идеи, верования, потому что вы действительно хотите видеть, что такое смерть, действительно хотите понять, что такое скорбь – для вас это жгучий вопрос, вы стремитесь к осознанию всем своим существом. Что же тогда происходит? Вы находитесь в состоянии интенсивного осознания, вы не принимаете и не отрицаете, потому что вы не пытаетесь убежать. Вы встречаете факт таким, каков он есть. И когда вы таким образом встречаете факт смерти, факт скорби, когда вы таким образом встречаете все, что случается с вами в каждый момент, вы обнаруживаете, что происходит взрыв, не рожденный постепенно, медленным движением времени. Тогда смерть приобретает совершенно другое значение.

Смерть – это неизвестное, также как скорбь. Вы не знаете в действительности скорби, вы не знаете ее глубины, ее необыкновенной жизненной силы. Вы знаете только реакцию на смерть, но не действие смерти помимо обусловленных реакций, вы не знаете – отвратительна смерть или прекрасна. Познать подлинную природу, глубину, красоту и привлекательность смерти и скорби, означает конец смерти и скорби.

Наш ум механически функционирует в сфере известного, и через известное мы пытаемся подойти к неизвестному – к смерти и скорби. Но может ли произойти взрыв, после которого известное больше не будет искажать действительность ума? Вы не можете избавиться от известного. Это было бы глупо, неразумно, это никуда бы вас не привело. Важно только не позволять, чтобы деятельность ума искажалась известным. Но этого неискажения нельзя добиться с помощью решимости, с помощью какого-либо действия воли. Это неискажение приходит, когда вы видите факт таким, каков он есть, а вы можете видеть факт таким, как он есть – факт смерти, факт скорби – только тогда, когда вы уделяете ему все свое внимание. Полнота внимания не есть концентрация, это состояние полного осознания, в котором нет исключения.

Как фрагментарно мы знакомы с этим необыкновенным явлением, называемым жизнью, мы никогда не смотрим на скорбь иначе, чем через завесу убегания от скорби, мы никогда не видели красоту и необъятность смерти, и мы познаем смерть только через страх и печаль. Понимание жизни, понимание значения и красоты смерти возможно только тогда, когда ум мгновенно осознает то, что есть.

Хотя мы их отличаем друг от друга, но по существу любовь, смерть, скорбь – это одно и то же, потому что, воистину, любовь, смерть, скорбь непознаваемы. В тот момент, когда вы говорите, что познали любовь, вы больше не любите. Любовь вне времени, у нее нет начала и конца, а у знания есть. Вы знаете только ощущение, стимул. Вы знаете только реакцию на любовь, но эта реакция не есть любовь. Точно также вы не знаете, что такое смерть. Вы знаете только реакцию на смерть, и вы откроете всю глубину и значение смерти, только когда реакции прекратятся.

Я прошу вас слушать то, что я говорю, не как простую лекцию, а как нечто жизненное для каждого человека на любой ступеньке общества. Эта проблема, непосредственно затрагивающая каждого из нас, и мы должны знать ее так же, как проблему голода, проблему секса, так же, как мы познаем благословение счастья, посмотрев на вершины деревьев или на открытое небо. Это благословение приходит, только когда ум находится в состоянии деятельности без реакций.

Знать смерть – благословение, потому что смерть – неизвестное. Если вы не понимаете смерти, вы можете потратить всю жизнь в поисках неизвестного и не найти его. То же самое с любовью, которой вы не знаете. Вы не знаете, что такое любовь, вы не знаете, что такое истина. Любовь не может быть целью поисков, также как и истина. Когда вы ищете истину, это всего лишь реакция, бегство от факта. Истина в том, что есть, а не реакция на то, что есть.

Беседа седьмая

Религиозный дух, религиозный ум

Я хотел бы, с вашего позволения, исследовать, что такое религиозный ум, религиозный дух, и проникнуть в эту проблему так глубоко, как мы только сможем. Это сложная проблема, как и все проблемы человеческого существования, и я полагаю, что мы должны подходить к ней очень просто, с чувством глубокого смирения, потому что глубокое исследование такой проблемы требует ясного ума, не обремененного грузом окаменевших и навязчивых знаний, и тогда, быть может, вы откроете что-либо оригинальное, новое, что-либо, не сказанное ранее авторитетами, не принятое вами на веру под давлением ваших потребностей и вашего принуждения.

Проблема, о которой идет речь, нелегкая, и поэтому, прежде всего, необходимо забыть на время все, что вы знаете о ней, все приобретенные вами традиции и воспоминания, чтобы самому попытаться открыть, что такое религиозный ум.

Наша жизнь не становится все легче и проще, как раз наоборот. Давление на человеческую личность становится почти непереносимым; с увеличением этого давления, с усилением влияний и бесконечных требований к человеку со стороны современного мира усиливается зависть, ненависть и отчаяние. Ненависть распространяется все шире, а отчаяние – не просто проблема молодого человека, который не может найти работу, это только часть, только поверхностное выражение проблемы отчаяния. Отчаяние – не просто чувство, которое вы испытываете после смерти близкого человека или когда вы хотите, чтобы вас любили и не получаете любви. Отчаяние, без сомнения, нечто более значительное, глубокое. Для того, чтобы найти путь из отчаяния, для того, чтобы выйти за пределы ненависти, а также за пределы надежды (ведь надежда, улавливающая всех нас, всего лишь противоположность отчаяния),

мне кажется, мы должны исследовать вопрос о том, что же в действительности представляет собой религиозный ум, религиозный дух.

При правильном исследовании не может быть простого принятия или отрицания. Большинство из нас всегда говорит либо «да», либо «нет». Наш ответ на трудности жизни зачастую является установкой на принятие, «да», сказанной жизни. Но жизнь слишком сложна, слишком необъятна, чтобы простое «да» оказалось удовлетворительным. Те, кто говорят «да», следуют традициям со всей ее мелочностью, узостью, жестокостью, они удовлетворены так называемым прогрессом, внешней эффективностью, они принимают вещи такими, как они есть, и плывут по течению, не желая, чтобы их слишком беспокоили. Те, кто говорит «нет», – это люди, отвергающие мир, следуя путем отрицания, они убегают от мира в религиозный символизм, в фантастические мифы разных видов. Они становятся монахами, санниази или вступают в одну из религиозных организаций. Какая у вас жизненная установка, к какой категории принадлежит каждый из вас?

Есть святые и есть политики. Политики – это люди, говорящие «да», они принимают непосредственную данность вещей, их ответ на эту непосредственную данность поверхностен. Наоборот, святые – это люди, говорящие «нет». Они чувствуют, что мир недостаточно хорош, что должен быть более глубокий ответ, поэтому они уходят из мира, отрицают его. Мне кажется, большинство из нас не отрицает и не принимает жизни очень глубоко, удовлетворяясь словесными «да» или словесными «нет».

Если мы действительно хотим исследовать, что такое религия, я думаю, мы должны начать с внутренней ясности, говорим мы миру «да» или «нет». Нет, сказанное миру, часто бывает только интеллектуальным, человек восстал против мира, не исследовав действительно глубоко дух религии. Интеллектуально вы порываете со всем, пока ничего не останется так же, как ничего не останется от цветка, если вы оторвете его от стебля и бросите у дороги; и ваши надежды, в конце концов, принуждают вас принять какую-либо форму религиозных верований.

Многие из нас не слишком интеллектуальны или агрессивны, нас удовлетворяет легкая, посредственная жизнь и прогресс, процветание, умножение принадлежащих нам вещей только превращает нас в рабов в еще большей степени. Совершенно очевидно, что мы быстро становимся рабами машин, рабами вещей, и не нужно быть очень глубоким наблюдателем, чтобы увидеть, как наш поверхностный ум удовлетворен своим рабским состоянием.

По мере того, как ум все больше превращается в раба, зона свободы, естественно, все сужается. Если вам недочадают принадлежащие вам вещи, вы жаждете новых вещей, или действия или власти. Если вы не можете достичь этих целей, вы чувствуете разочарование, впадаете в отчаяние и спасаетесь бегством с помощью религиозных верований, с помощью церкви, храма, символики, ритуалов и т. п. Если мы не ищем выхода в религии, в нас накапливается гнев против мира – а гнев порождает свое собственное действие. Гнев очень легко переходит в действие, не правда ли? Когда вы восстаете, движимые гневом, гнев дает вам энергию, а энергия пробуждает ваши способности. Все это считается чем-то новым и оригинальным. Но гнев, цинизм, горечь и отчаяние – эти чувства, безусловно, не нужны для подлинного понимания наших жизненных проблем. Мы не знаем, что такое действительно хорошая жизнь, мы не знаем, каков смысл нашего повседневного существования, этого необычайного процесса, состоящего из несчастий и борьбы, мелочного и уродливого, полного клеветы и жадности, в чем смысл этой борьбы, не прекращающейся до самой смерти. Поэтому мы изобретаем цель, конечный результат, к которому мы стремимся, является ли эта цель немедленно достижимой или она спроецирована вдаль, как например, Бог, в любом случае она продукт ума, фактически находящегося в отчаянии, в несчастии и хаосе. Это становится совершенно очевидным как только вы начинаете думать ясно и объективно, а не просто оценивать, что вы можете получить от жизни для себя.

Вопрос о том, существует ли подлинная реальность, существует ли Бог, существует ли нечто постоянное, оригинальное, новое – этот вопрос возник не здесь и не сейчас. Ответа на него люди искали столетиями. 35000 лет назад на стенах пещеры в Северной Африке люди изобразили борьбу добра и зла; в этих рисунках зло всегда побеждало. Мы все еще ищем ответа на этот вопрос, но это должен быть не глупый ответ школьника, ответ незрелого ума, рассчитанный на удовлетворение наших потребностей – нам нужен действительно истинный ответ, всеохватывающий ответ на всеохватывающий вопрос. Я полагаю, что мы не задаем полного, всеохватывающего вопроса, именно в этом заключается трудность. Только когда мы в отчаянии, мы ищем, спрашиваем, надеемся. Но когда в нас кипит энергия, когда мы захвачены потоком жизни, наши требования не являются полными, мы говорим: «Оставьте меня в покое, я хочу самореализации».

Полнота требования возникает только в полной уединенности. Когда вы исследовали все вокруг себя, когда вас больше не привлекают религиозные системы с их символами и несущими различиями, с их организованным догматизмом, когда вас больше не удерживают объяснения, слова, книги, все, что может изобрести интеллект, когда вы отвергли все это, но не потому, что вы ищете удовлетворения своих желаний и не можете его найти – только тогда вы действительно уединены. Незрелый ум принимает или отвергает исходя из удовлетворенности или неудовлетворенности. Но когда вы сомневаетесь, когда вы задаете вопросы и не получаете ответ ниоткуда, кроме как из традиции, обусловленности, когда вы глубоко и полностью отвергли все это, что вы и должны сделать – только тогда вы уединены, потому что ни на что больше не можете положиться, и эта уединенность подобна цветку, растущему в пустыне.

Но это чрезвычайно трудно, это тяжелая работа, а вы не любите тяжелой работы. Вы предпочитаете легкое ленивое существование: зарабатывать себе на жизнь, принимать то, что приходит к вам, и просто плыть по течению. Или же, если вы не делаете этого, вы принимаете какую-либо форму принуждения, дисциплины. Вы встаете каждое утро в 4 часа утра, чтобы заниматься медитацией, медитацией же вы называете принуждения себя к концентрированности с тем, чтобы привести ваш ум в соответствие с определенным образцом. Вы неустанно, день за днем тренируетесь и считаете, что это тяжелая работа. Но мне кажется, что это детский подход к работе, что так не должен работать зрелый ум. Тяжелой работой я называю нечто совершенно другое. Тяжелая работа – исследовать каждую свою мысль и чувство, каждое верование, не поддаваясь предубеждениям, не защищаясь от страха щитом идеи, вывода, объяснения. Для всего этого нужна тяжелая работа мысли, и мысль должна быть совершенно ясной, это и есть истинная работа. Мы предпочитаем добиваться чувственных удовольствий.

Вы называете религиозным человека, каждый день посещающего храм, мечеть, церковь. Или вы говорите, что люди, поклоняющиеся учителям, святым, гуру, очень религиозны. Но это, без сомнения не религиозные люди, это испуганные люди. Они из категории говорящих «да», они не знают и не исследуют, чтобы знать, они не в состоянии это делать, потому что эти люди полагаются на что-то внешнее, на образ, изготовленный рукой или умом. Если вы видите все это, если вы осознаете несчастья, жестокость, невыразимую грязь вне и внутри вас, если вы хотите найти здоровый и разумный путь из этой неразберихи, вы должны исследовать, что такое религиозный ум.

Как происходит исследование? Существует ли состояние исследования, когда имеется положительный подход, или только при отрицательном подходе? Каков путь исследования? Как мы начинаем исследовать? Положительным подходом я называю рассмотрение проблемы с желанием найти ответ. Когда я потерпел неудачу, когда я в отчаянии ищу ответа, у моего исследования есть мотив, не правда ли? Мои поиски – результат желания найти выход, и я найду выход, но он окажется крайне поверхностным и пустым, я буду полагаться на какой-либо авторитет либо следовать какой-либо системе, и завтра это снова доведет меня до отчаяния. Будучи несчастным, жалким, полным скорби, в состоянии непрерывного конфликта, я пыта-

юсь спастись бегством от всего этого, так возникает мотив, порождающий положительное действие. Такое положительное действие представляет собой поиски с жадой ответа, оно очень ограничено, оно не отворит вам двери в рай.

Я прошу вас понять это, ибо иначе вы не сумеете сами открыть, что такое религиозный ум, и в чем его красота.

Вы никогда не сможете этого открыть с помощью положительного действия, которое имеет мотив, которое связано с принуждением, порожденным желанием. Это неправильный подход. Если вы сами увидите, поймете то, о чем я говорю, вы сможете найти другой выход, не являющийся реакцией, не являющийся противоположностью положительного. Я надеюсь, что вам ясно то, о чем я говорю.

Если ум увидит этот положительный подход таким, каков он действительно есть, т. е. убедится в его ложности, тогда отрицательный подход не будет простой реакцией на положительный подход. Я желаю найти истину, а не то, что я хотел бы принять за истину, поэтому я не вношу своей личности в поиски истины, я отбрасываю свои верования, умозаключения, свои желания убежать от невыносимых несчастий. Я хочу самостоятельно открыть, в чем смысл существования, не приводя этого открытия в соответствие со своими удовольствиями, фантазиями, традициями, которые неразумны, глупы, обусловлены моим прошлым опытом. Я хочу открыть истину, какой бы она ни была.

Наблюдали вы когда-нибудь по настоящему за явлениями жизни? У жизни нет начала и конца, в начале содержится конец. Для того, кто ищет ответа, жизнь очень ограничена. Для него существует вчера, сегодня и завтра, и он пытается думать о жизни в этих терминах.

Но жизнь не отвечает ему в этих терминах. Жизнь бесконечна, и поэтому в жизни нет смерти. Смерть имеется только когда мы спрашиваем: «Что будет с моим „Я“». „Я“ – это существо, думающее о жизни в терминах „вчера“, „сегодня“, „завтра“. Ваше „Я“ находится в состоянии несчастья, вы хотите найти состояние спасения, где вас не будут беспокоить, вы хотите спокойно и вечно сидеть в персональной отвратительной заводи, в стороне от течения жизни. Это ум отделяет жизнь от смерти, борется и создает проблемы.

Отрицательный подход к проблеме религиозного духа не является реакцией на положительный подход. Реакция на положительный подход – это просто то же самое в другой форме. Изменения в пределах поля обусловленности – это вообще не изменения. Отрицательный подход – нечто совершенно иное, только через отрицательный подход ум действительно может исследовать и делать открытия.

Я надеюсь, что сейчас, когда я говорю, вы сами осознаете как свой непосредственный опыт истину – т. е. ложность положительного подхода. Так же, как у вас есть ежедневный опыт голода, жажда секса, потребность власти, престижа, привилегированного положения и т. п., вы непрерывно накапливаете опыт положительного подхода, независимо от того, проходит этот опыт через ваше сознание или нет. Но если вы ясно видите истину положительного подхода, если вы действительно осознаете его ложность, осознаете ограниченность, мелочность ума, требующего ответа для своего удовлетворения, тогда ваш ум действительно находится в творческом состоянии отрицания, такой ум может исследовать и делать открытия.

Я надеюсь, что вы не просто ограничиваетесь простым выслушиванием объяснений, потому что слово – не то же самое, что обозначаемая им вещь, а просто символ, символ же никогда не является реальностью. Человек, удовлетворенный символом, живет в пустыне, среди пепла реальной жизни.

Итак, я исхожу из того, что ваш ум подготовлен к исследованию. Перед нами стоит вопрос: что такое религиозный ум? Вы делаете во имя религии многое такое, что совсем не относится к религии. Когда вы увидите эту истину, этому наступит конец, ложное отходит прочь. Что же такое религиозный дух? Без сомнения, религиозный дух – это своего рода взрыв, в котором исчезает, полностью уничтожается всякая привязанность.

Имеется только привязанность, нет такой вещи, как отречение от привязанности. Ум изобретает отречение как реакцию на боль привязанности. Когда вы реагируете на привязанность, вы становитесь привязаны к чему-либо еще. Таким образом, весь этот процесс является процессом привязанности. Вы привязаны к своей жене, мужу, к детям, традициям, авторитетам и т. п., вашей реакцией на эту привязанность является отречение. Культивация отречения – результат скорби и боли. Вы хотите убежать от боли привязанности, и вы убегаете, пытаетесь найти что-то, к чему, как вы думаете, вы не можете привязаться. Во всем этом процессе есть только привязанность. Культивация отречения – занятие глупого ума. Все священные книги говорят: «Отрекитесь от привязанности», но какова же истина? Если вы понаблюдаете за своим умом, вы увидите необыкновенную вещь: культивируя отречения, ваш ум становится привязанным к чему-либо еще.

Религиозный дух – это взрыв, уничтожающий всякую привязанность, ум перестает быть привязанным к чему-либо. Такова, без сомнения, природа любви. Любовь несовместима с привязанностью. Желание ведет к привязанности, память ведет к привязанности, ощущение – это бездна привязанности, но если вы понаблюдаете, вы увидите, что в любви – все равно, к одному или ко многим, – нет привязанности. Привязанность предполагает прошлое, настоящее и будущее. У любви нет прошлого, настоящего или будущего. Только память ограничена временем – память того, что вы называете любовью.

Итак, ум исследующий, проникающий в то, что называется религией – это ум в состоянии всеохватывающего восстания. Вы знаете, что довольно легко восстать против чего-нибудь одного – против бедности, против вашей семьи, против традиций, против данной религиозной системы. Когда мы восстаем против определенной религии, мы обычно присоединяемся к какой-либо другой религии, мы восстаем против индуизма и присоединяемся к христианству или буддизму и т. п. Такое восстание является простой реакцией, это не полная революция, не всеохватывающее преобразование.

Ограничиваетесь ли вы тем, что просто слушаете меня, или также наблюдаете за своим умом? Мои слова – простое отражение ваших собственных мыслей, осознанных вами или остающихся бессознательными. Я описываю состояние вашего ума, и если вы только слушаете мои слова и не наблюдаете своего ума, вы попрежнему остаетесь в скорби и смятении. Восстание, о котором я говорю, направлено против всех форм привязанности, но не как реакция. Вы видите истину, что ваша привязанность к определенным интеллектуальным объяснениям привела вас в бесплодную пустыню. В вашей жизни различные мелкие взрывы или реакции оставили следы в вашем уме, и вы привязаны к этим следам. Ум с такими следами утратил гибкость, окаменел. Такое окаменение, в сущности, представляет привязанность к тому, что вы делали прежде, к памяти вашего опыта. Всеохватывающая революция, о которой я говорю – это полное осознание истинного характера привязанности, это само состояние взрыва.

Быть может, все это довольно трудно понять большинству из нас, потому что мы привыкли думать о революции в терминах изменения от одной формы обусловливания к другой. Сегодня я один, а завтра хочу стать другим (я заранее знаю, кем хочу стать). Видя бедность при капитализме, я говорю, что ответ – это коммунизм, потому что должна произойти революция. Но всякая такая революция, без сомнения, является частичной революцией. Большинство так называемых интеллигентных людей с их живым, спокойным умом играют в интеллектуальные игры с десятком различных систем. Поиграв со всем этим, их ум оказывается бессмысленно загроможденным, окаменевшим, и когда такой ум спрашивает: «Что есть истина?», «Что есть Бог?», эти вопросы лишаются смысла. Единственное, что имеет смысл – разбить все эти пути, уничтожить их полностью без какого-либо мотива, без какой-либо потребности или принуждения. Такой взрыв, в котором нет места для личного удовлетворения или для каких-либо систем, – это единственная подлинная революция. Когда ваш ум будет в этом состоянии взрыва, вы обнаружите необыкновенные силы творчества – не только творчества, которое

выражается в поэме или скульптуре, или в картине живописца, а в творчестве, которое всегда связано с состоянием отрицания.

Я боюсь, что все это становится для вас чистой теорией. Теория, умозаключение или жизнь среди слов, произнесенных другим человеком, – все это имеет очень мало значения. Но ум, который действительно вступил на тропу исследования, ум, начавший путешествие, из которого нет возврата, ум, занятый исследованием не только сейчас, во время сегодняшней беседы, но изо дня в день – такой ум откроет состояние творчества, охватывающее все существование. Это и есть то, что вы называете истиной или Богом. Для этого творчества необходима полная уединенность – уединенность без привязанности, уединенность, спутником которой не должны быть слова, мысли, память. Это полное отрицание всего, что ум изобрел для своей безопасности. У этой полной уединенности нет страха, но есть своя собственная необычайная красота, это состояние любви, а не уединенность реакции, это полное отрицание, не являющееся противоположностью положительного. Я полагаю, что только в этом состоянии творчества ум является подлинно религиозным. Такой ум больше не нуждается в медитации, он сам есть вечность. Такой ум больше не ищет, не потому, что он нашел удовлетворение своих потребностей, он больше не ищет, потому что больше не нуждается в поисках. Такой ум является цельным, всеохватывающим, он безграничен, неизмерим, невыразим словами.

Беседа восьмая

Самопознание

Большинство из нас, какое бы место в жизни мы не занимали, находится в величайшем смятении, если же мы не испытываем этого смятения, то, по крайней мере, должны испытывать, потому что давление различных мировых событий и неконтролируемых исторических процессов, происходящих вокруг нас, толкает нас в узкую колею, где зона свободы становится все меньше и меньше. Поскольку каждый из нас ищет выхода из этого смятения, хаоса и несчастий, мы присоединяемся к различным политическим и религиозным движениям. Мы следуем за их вождями и надеемся найти решение многочисленных проблем, обременяющих нашу жизнь. Мы находимся в смятении, и поэтому мы пытаемся найти кого-либо, кто вывел бы нас из этого смятения и несчастий. Мне кажется, что мы лишь с большой неохотой обращаемся к самим себе с тем, чтобы непосредственно исследовать проблему. Нам нужен кто-то, кто даст нам готовое решение, нам нужна система, философия, гуру, вождь, который разрешит наши проблемы и приведет к внутреннему миру и спокойствию. Но это невозможно: вы сами должны решить ваши проблемы. С вашего позволения, я хотел бы побеседовать с вами именно об этом процессе самопознания, обращения к самому себе.

Мы знаем, что ученые разрешили множество проблем, и они могут удовлетворить все потребности людей. Если бы ученые и политические деятели договорились, они могли бы разрешить также проблему голода, проблему пищи, одежды и крова для всех и прекратить уничтожение человека человеком. Они могли бы это сделать, но они не сделают этого до тех пор, пока основой их мышления остается национализм, мотивы собственной личной выгоды. И даже если бы был осуществлен этот далеко идущий внешний переворот, мне кажется, что проблема лежит значительно глубже. Это не просто проблема голода, войн, жестокости в отношениях между людьми, это кризис нашего сознания. В сущности эта проблема внутри нас. Однако, как бы мы ни были настойчивы и способны, большинство из нас не имеет желания очень глубоко познать самих себя. Мы хотим изменить, переделать мир, но подлинная революция, подлинное изменение должны произойти не столько вне, сколько внутри нас. Для нас познавать себя чрезвычайно трудно, и мы пытаемся убежать от этой задачи на путях интеллекта или чувства преданности чему-либо во вне.

На путях интеллекта мы создаем паутину теорий, мы улавливаемся словами, идеями. Замечали ли вы, с каким нетерпением мы начинаем обсуждать теории, как быстро мы можем заблудиться в лабиринте слов? Когда мы играем в эту игру, мы считаем себя чрезвычайно интеллигентными, но какое все это имеет значение? Это же пустой вербализм. На путях чувств, эмоций мы цепляемся за какую-нибудь систему верования либо переходим к преданности идее или вождю. Во всем этом есть определенное удовлетворение, временное облегчение нашей проблемы. Но раньше или позже мы замечаем, что наше положение по существу не изменилось, что перед нами все те же нерешенные проблемы.

Все эти уловки нашего «Я» так бесполезны, они совершенно не решают наших проблем. Только незрелый ум, не знающий, что такое любовь, не вдыхающий глубоко аромат скорби, – только такой ум убегает к этим тривиальностям, представляющим собой пустые забавы ума. Вы находите гуру, идете в храм, преклоняетесь перед образом, и это дает вам временное облегчение. К несчастью, вас очень легко удовлетворяют эти временные меры, и вы пытаетесь превратить их в постоянные, развивая у себя привычку преданности, привычку следования за гуру, за политическим вождем или каким-либо другим авторитетом. Следует ли вы за авторитетом в политике или религии: это всегда, без сомнения, есть зло, потому что следовать за кем-либо значит желать безопасности, а ум, ищущий безопасности, отрицает непостоянство жизни. Жизнь, очевидно, является непостоянной. Нет в мире ничего постоянного, кроме привычки нашего мышления, наших идей. Мы уловлены этими привычками, и если мы разрушаем одну привычку, то немедленно создается другая, также стремящаяся к постоянству. Мне кажется, что мы всегда избегаем центральной проблемы, которая есть мы сами.

Говоря «мы сами», я имею в виду не только то эгоцентрическое существо, которое более или менее осознается нами ежедневно, но то существо, которое является продуктом общества, продуктом данной культуры или цивилизации, климата и традиций. Если не произойдет глубокого преобразования, я не вижу, как мы выйдем из этого хаоса.

Я говорю об индивидууме, не противопоставляющем себя обществу. В настоящее время наше действие истекает не из индивидуального, а из коллективного мышления. Это коллективное мышление, будет ли оно капиталистическим, фашистским и т. п. – отрицает индивидуальность, а все творчество в жизни, всякое понимание – продукт индивидуума, а не массы. В действительности масса не существует, кроме как в мышлении, в идеях, рабами которых мы являемся.

Для того, чтобы понять весь этот процесс существования, индивидууму необходимо освободиться от влияния массы, от влияния традиций, от влияния коллективного мышления, и нет другого средства, нет другого пути, чтобы открыть двери жизни. Общество – то же самое, что и вы. Общество не отличается от вас. Хотя у вас может быть свое отличительное имя, счет в банке и т. д., вы являетесь частью общества, вы не отличимы от общества. Когда вы говорите, что вы индивидуалист, индуист, коммунист и т. п., это значит, что вы являетесь частью определенной культуры, определенного общества, благодаря которому у вас сложился определенный образ жизни, мыслей.

Итак, вы раб различных влияний, и поэтому, безусловно, необходимо понять эти влияния, это давление на вас, если вы хотите понять себя, ибо вы представляете собой продукт этих влияний.

Вы продукт не только ваших отца и матери, но тысячи вчерашних дней, тысячи поколений, вы продукт всего человечества. Если вы понимаете это, жизнь становится необыкновенно скучной, бесконечной борьбой без особого значения, и возникает философия отчаяния или же философия удовлетворенности вещами такими, какие они есть, что представляет собой простое принятие существования. Все это кажется совершенно очевидным.

Итак, вы должны видеть тот факт, что вы и есть мир, что без перемены в вас самих, без полной революции ума, революции путей вашего мышления вы не можете добиться фунда-

ментальных изменений в мире. В особенности, в такой перенаселенной стране, как Индия, вы должны начать с самих себя. Должна произойти революция в ваших отношениях к людям и вещам окружающего вас мира. Добродетель расцветает в отношениях между людьми, если вы не понимаете, что такое добродетель, все ваши социальные реформы и бесчисленные внешние изменения приведут только к новым несчастьям в крайне поверхностном существовании.

Итак, мне кажется, что очень важно понять самого себя, но вы делаете это чрезвычайно неохотно, говоря: «Что я должен понять о самом себе? Я очень хорошо знаю себя».

Прежде, чем обратиться к этому вопросу, я полагаю, важно понять значение слова «глагол». Глагол, безусловно, предполагает неразрывность движения, активное настоящее, хотя в нем и есть элемент времени, заключающий прошедшее и будущее так же, как и настоящее, глагол предполагает всеохватывающее состояние, не правда ли? «Я был», «я есть» и «я буду» – если вы углубитесь в это, вы найдете здесь всеохватывающее состояние, активное настоящее, являющееся вневременным. Но большинство из нас уловлено в сеть «я был» и «я буду», для нас нет активного настоящего. «Я был» – это память, «я буду» – тоже память, проекция прошлого через настоящее на будущее. Мы говорим: «Я был разгневан, и я больше не буду гневаться», таким образом, возникает отставание, интервал, превращающийся для нас в средство достижения будущего. Для большинства из нас глагол предполагает не одно, а три отдельных состояния: «Я не буду больше жадным» и отставание между ними, которое представляет собой усилие стать нежадным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.